

АНДРЕЙ
ПЛЕХАНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Андрей Вячеславович Плеханов

Перезагрузка

Серия «Иштархаддон», книга 2

Текст предоставлен автором

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161764

Аннотация

Ближайшее будущее... Сеть Радионета опутывает каждый дом, а новое поколение хакеров научилось проникать не только в базы компьютерных данных, но и в паутину нервных волокон каждого пользователя. Играющие в виртуальные игры подростки стали первыми жертвами психодевакации. За то, чтобы спасти жизнь детям и вернуть их в реальность, приходится платить большие деньги злоумышленникам. Но и реальный мир постепенно искажается под влиянием безумных фантазий могущественных преступников с паранормальными способностями. Игорю Маслову и Милене Серебряковой предстоит очистить реальность от гибельных фантомов...

Содержание

Эпизод первый	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Плеханов

Перезагрузка

(Иштархаддон-2)

Автор выражает благодарность за помощь в работе над книгой консультантам: Дмитрию Артемову, Валерию Барабанову, Дмитрию Погодину.

Эпизод первый

Глава 1

15 мая 2006 года, семь часов вечера. Сергей Изотов, ученик 9 класса физико-математического лицея, только что закончил делать уроки, аккуратно сложил тетради и учебники стопкой на столе. Портфель он соберет завтра, найдет для этого завтра пять минут. Без ужина, пожалуй, тоже можно обойтись – нужно спешить. Быстрее, быстрее! Бутерброд с колбасой жуется на ходу, на пути к компьютеру. Пальцы нежно, с любовью дотрагиваются до клавиш, экран медленно окрашивается голубым цветом. Компьютер, дремлющий уже два дня, просыпается. "Привет, – шепчет Сергей. – Заждалась меня, крутая машинка? Это я, Ганслот. Я пришел. Сейчас мы их уделаем. Всех уделаем. Сегодня – целых полтора часа. Успею дойти до Храма Мертвых Роботов и взять термоизлучатель. Возьму его и уделаю всех богов Марса!"

Вот оно, истинное счастье. Увы – счастье короткое, ограниченное безжалостным временем как бетонным забором – стена сзади, стена спереди. Как сломать эту преграду, как растянуть часы наслаждения? Одноклассник Сергея, ушлый Леха Попов, хвастался, что смог подглядеть пароль и переставить параметры лимита времени. Вот болтун, нашел чем хвалиться. Детская работа – Сергей сделал бы такое без труда, он разбирался в таких делах лучше всех в классе. Его мамаша прекрасно знала об этом и давно уже позаботилась о том, чтобы время игры их домашней станции контролировалось с центрального сервера. Большой скандал разразился год назад, когда выяснилось, что за три дня умник Сереженька наиграл двадцать один час, прогуляв, соответственно три дня в школе. Визгливые нравоучения мамы, впрочем, можно было вытерпеть, а вот папенька вдруг соизволил вспомнить о том, что у него есть сын, о том, что воспитанием сына надлежит заниматься, и собственноручно надрал задницу сына ремнем... С тех пор кончилась вольница – каждый час игры приходилось отрабатывать. Непременные пятерки в школе, занятия в спортивной секции и невыразимо скучной музыкальной студии. Штрафные санкции за каждый трояк, не говоря уж о двойках. И венец всему – уборка квартиры. Мамаша даже решилась на то, чтобы уволить домработницу. "Труд сделал из обезьяны человека, и из тебя сделает!" – строго заявила она. И еще: "Делу – время, потехе – час", а также: "Компьютерные игры отрывают человека от реальности!" Умеет мамаша изрекать идиотские фразы – этого у нее не отнимешь...

Сергей был не из тех, кто боится трудностей. Подумаешь, пятерки, подумаешь, уборка... Не жалко – нате вам. Ни одной тройки в четверти расценивается как полчаса игры раз в два дня. А как насчет второго места на районной олимпиаде по математике? По-моему, на двадцать минут потянет. На пятнадцать, мам? Ну ладно, хорошо, только подправь время доступа прямо сейчас. Мам, а можно я буду убираться не два, а четыре раза в неделю? И

денег мне на чипсы не надо – надоели они, эти чипсы, я уже не маленький. А вместо чипсов добавишь двадцать минут на гейм. Как что такое "гейм"? Это игра, мам, это, между прочим, инглиш, ты сама говорила, что его все должны знать. Ну, добавишь? Да?! Я тебя люблю, мамуля!!!

Смачный поцелуй в нос.

Сережа Изотов, в сущности, был хорошим мальчиком – не ровней хулиганам-шало-паям из подворотни. В будущем ему светила золотая медаль, дальше – учеба в престижном Вузе, и в конце концов – работа в процветающем банке, где папа трудился начальником отдела. Педагогика – вещь гибкая. Если мальчик хорошо учится и примерно себя ведет, почему бы не поощрить его компьютерной игрой? Пусть понимает, что всякий добросовестный труд должен вознаграждаться...

Сергей сел в кресло, откатился на положенное расстояние – два метра от экрана, – одел на голову шлем, натянул серебристые сенсорные перчатки, положил руки на подлокотники, поставил ноги на педали фут-шутера. Отлично, подключаемся! Огромный, кажущийся слегка вогнутым экран озарился разноцветными сполохами. Синие буквы поплыли в воздухе.

"железные боги марса" приветствуют вас, ВЕЛИКИЙ ВОИН Ганслот! ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: ЧЕРЕЗ 90 минут СЕАНС ИГРЫ БУДЕТ ПРЕКРАЩЕН".

– Знаю, баклан, – пробормотал Сергей. – Подключай скорее, не трави собак"...

Пальцы его нервно перемещались в пустоте, перебирая невидимые кнопки.

* * *

Мария Валерьяновна Изотова вошла в дверь, отягощенная сумками с провизией. Зажгла свет в прихожей, отдышалась. Восемь вечера. Сережка еще играет – сегодня ему позволено полтора часа. Многовато, конечно, но куда деваться – получил первый детско-юношеский разряд по фехтованию, приходится расплачиваться. Нужно подумать, как остановить непрерывное увеличение времени игры. Так скоро и до двух часов дойдет. А чего тут думать – сказать решительное "нет!", и все. Родители мы, в конце концов, или кто? *Этот*, само собой, сидит в своей банке, живет там день и ночь, ему дела нет до того, что сын сходит с ума по дебильным виртуальным стрелялкам. Отец, называется... Ладно, сама справлюсь.

Странная тишина в квартире. Не гремят выстрелами и взрывами колонки, не слышно топота подошв по металлическому полу лабиринта, не отбивает ритм компьютерная музыка – только красные отсветы мелькают из открытой двери сережиной комнаты. Опять включил наушники? Сколько раз говорила ему – не одевай наушники, они портят слух. Оглухнешь к двадцати годам, балбес!

Мария Валерьяновна скинула сапоги, и, не снимая пальто, заспешила по длинному коридору. Алые блики, пляшущие на стенах, раздражали, вызывали тревожное чувство. Почему во всех играх – война? Неужели не могут придумать для подростков что-то поспокойнее? "Железные боги Марса", 3-D online widenet battle, возрастные ограничения – старше одиннадцати лет. Да в такое и взрослым-то играть страшно!..

Зрелище бросило ее в холодный пот. Сергей неподвижно полулежал в кресле, опустив голову на грудь, вытянув тощие ноги, руки свисали вниз безжизненными плетями. Шлем валялся на полу, от него поднималась тонкая струйка дыма.

– Сережа! – истошно крикнула Мария Валерьяновна. – Что с тобой, Сережа?!

Она подбежала к креслу, обхватила ладонями голову сына, подняла вверх его лицо. Немигающие открытые глаза, лишенные всякого выражения, скошенный рот, стекающая по подбородку струйка слюны. На Марию Валерьяновну смотрел безмозглый идиот.

– Сергей, ты слышишь меня? – она еще не верила, сопротивлялась, пыталась справиться с ищущей выхода истерикой. – Ответь мне! Пожалуйста!

Экран моргнул, и на нем появилась физиономия. Гладкая розовая кожа, квадратный нос, едва прорисованные черты – не живое лицо, всего лишь грубо анимированный компьютерный голем.

– Готовьте деньги, – произнес холодный синтезированный голос. – Если хотите, чтоб ваш сын ожил, готовьте деньги. Мы с вами свяжемся.

* * *

– Как же так, – всхлипывала Мария Валерьяновна. – Почему вы молчали об этом? Это же так каждого ребенка могут... Пять детей за месяц, а вы молчите! – она подняла голову, в глазах ее появился гневный отблеск. – Об этом на каждом углу кричать нужно, а вы покрываете преступников!

– Успокойтесь, Мария Валерьяновна, – сказал майор Толоконцев. – Успокойтесь, пожалуйста. Никого мы не покрываем. Мы делаем все, что можем, и думаем прежде всего о жизни и здоровье пострадавших детей – в том числе и вашего Сережи. В таких делах необходимо сохранять крайнюю осторожность. Преступников спугнуть легче легкого – и что тогда? Кто приведет вашего сына в нормальное состояние?

– А врачи? Они не могут?

– Пока не могут, – сурово отрезал Толоконцев. – Точно не выяснено, какого рода воздействие было оказано на пострадавших. Состояние их ухудшается слишком быстро. У нас в запасе три дня. Вам нужно найти деньги...

– Мы уже нашли, – измученно сказал Дмитрий Николаевич, папа Сергея. – Деньги – это не проблема. То есть, извините, – он кашлянул в кулак, – это не самая большая проблема. Триста тысяч долларов – сумма немаленькая, но... скажем так, вполне реальная. Главное – что будет с Сережей? Удастся ли его...

– Удастся, – уверенно произнес Толоконцев. – Двое подростков, которые подверглись психодевастации перед Сергеем, уже здоровы. Преступники их раскодировали. Куда ушли деньги за выкуп, к сожалению, так и не удалось проследить. Эти жулики действуют непостижимо быстро. Но у нас работает специальная группа по этим делам, ребята очень толковые, системщики-сетевики хоть куда. Большая вероятность того, что на этот раз мы зацепим конечный адрес перевода денег.

– А еще двое... – Изотов замялся, побледнел, нервно поправил на переносице очки. – Ну, те двое подростков, которые были первыми... Они как?

– К сожалению, их спасти не удалось, – сказал майор.

Мария Валерьяновна уткнулась в носовой платок, плечи ее беззвучно затряслись.

– Почему они умерли? – спросил Изотов. – Денег не нашли, да?

– Время. Все дело во времени. Тогда мы думали, что с детьми ничего не случится, что у нас есть две недели запаса. Хотя бы одна неделя... Мы действовали по обычной схеме, пытались выйти на преступников, вели переговоры. Это было нашей ошибкой. Пять дней. Теперь мы знаем, что у нас есть всего пять дней. Мы не будем рисковать. Завтра мы переведем деньги и Сергея раскодируют – это самое важное. Ну а поимка преступников – это уже наши проблемы.

– Я могу позвонить в Москву, генералу Тулищеву, – сказал Дмитрий Николаевич. – Мы с ним неплохо знакомы, ездили как-то на охоту. Я слышал, что он как раз по части электронной преступности работает. Я и с замминистра могу связаться, мы с ним встречались на конференции в Лондоне...

– Сергей Иванович Тулищев в курсе, – сказал майор. – Все, кому положено, в курсе. Никому звонить не надо. Дело чрезвычайное, все подняты на ноги. Все, что нужно, делается – можете мне поверить, Дмитрий Николаевич. Даю вам слово российского офицера.

– Нет, подождите, как же так, – встряла Мария Валерьяновна. – Ведь эти компьютерные бандиты, они же подробно расписывают все условия, как и что делать. И насчет пяти дней они сами предупреждают. Это даже понятно – им выгоднее деньги получить, чем чтоб ребенок умер. Почему вы тогда, у первых двух, их не послушали?

– Тогда они не предупреждали.

– Наверное, так было сделано специально, – задумчиво произнес Изотов. – Им нужно было, чтоб первые двое детей погибли, чтоб перепугать всех, дать понять, что шутить с ними нельзя.

– Они сами не знали, что через пять дней после кодирования человек умирает, – сказал Толоконцев. – Тогда не знали. Конечно, это только мое предположение и доказательств ему нету, но вот именно так мне и кажется.

– То есть, вы хотите сказать, что до этого в мире подобных преступлений не совершалось?

– Не совершалось, – Майор Толоконцев кивнул головой. – Мы первые. Повезло Нижнему Новгороду, ничего не скажешь... В сетевых технологиях мы – первые, но вот теперь и в электронном оглушении детей – тоже.

Он озадаченно вздохнул.

* * *

Комната Сергея Изотова напоминала научную лабораторию. К его компьютеру были подключены цветные провода и кабели, ведущие, в свою очередь, к десятку хитроумных приборов, расставленных на журнальном столике, на табуретках, на кровати – на всем, что можно было задействовать. Двое молодых людей колдовали над аппаратурой, размахивая руками и произнося слова, которые человеку показались бы человеку, несведущему в электронике, набором шаманских заклинаний. Майор Толоконцев оседлал стул верхом, положив руки и подбородок на высокую спинку, взирал на своих подчиненных строго и напряженно. Сам же виновник событий, подросток Сергей, облаченный в шлем и перчатки, полулежал в кресле бесчувственным манекеном.

– Когда все будет в порядке, – сказала Мария Валерьяновна, – я этот его компьютер молотком разобью. В мелкие осколки. Чтoб он у меня еще когда к компьютеру подошел... Да никогда!

– Компьютер-то зачем уничтожать? – резонно заметил Изотов-папа. – Он тут не при чем. Насколько я понял, вся проблема в соединении с сетью. Если отсоединить нашу станцию от Радионета, то никто не сможет в него забраться... э... как это сказать... извне. Так ведь, Виктор Алексеевич?

– Приблизительно так... – Толоконцев неопределенно помахал в воздухе рукой. – Можно, конечно, настроить машину так, чтобы она работала в автономном режиме. Можно, если сильно постараться. Весь софт там переставить, блокировку коннекта сделать намертво. Только... Вот что я вам настоятельно рекомендую – когда Сергей придет в себя, не подпускайте его к станции. Продайте все это оборудование. Мария Валерьяновна права – в вашем доме лучше такого не держать.

– Это почему же? – Изотов строго сдвинул брови. – Все держат, а нам нельзя?

– Кто это все? – саркастическая усмешка появилась на лице майора. – Извините, Дмитрий Николаевич, но купить домашнюю станцию сетевого баттла может далеко не каждый,

даже в нашем процветающем Нижнем Новгороде. Сколько она стоит? Около тридцати тысяч долларов, если я не ошибаюсь?

– Эта – пятьдесят пять тысяч, – сказал Изотов. – Но ведь, я слышал, на всех уровнях баттла стоит надежнейшая защита. Фирма гарантировала нам...

– Вот они, результаты вашей гарантии, – Толоконцев показал на Сергея. – Защита там многоуровневая, высокопрофессиональная, но только взломщики защиты тоже не дураки. Хакеры – слышали такое слово?

– Да, конечно.

– Все меняется, – сказал Толоконцев, вставая со стула. – Меняется быстро, и не в лучшую сторону. Как только были созданы электронные сети, появились и преступники, действующие при посредстве этих сетей. Большинство взломщиков – довольно безобидные хулиганы, сдвинутые на Интернете, со своеобразным комплексом чести. Но увы – среди хакеров немало специалистов высшего класса, для которых сеть – это прежде всего способ добычи денег, неважно каким путем. Опустошение счетов банков, кража конфиденциальной информации, рассылка вирусов экономическим конкурентам... До сих пор они не могли непосредственно воздействовать на здоровье людей. Теперь научились и этому. Господин Изотов, я скажу вам откровенно: вы – слишком богатый человек, чтобы позволить себе держать в доме ворота, открытые для преступников. Радионет – именно такие ворота.

– Понятно, – пробормотал Изотов.

– Виктор Алексеевич, все готово! – сообщил один из молодых людей. – С Сашкой связь хорошая, он на центральном сервере подключился. "Дэшники" с Воробьевки передают, что у них тоже все тип-топ.

– А ничего, что тут все это... – Мария Валерьяновна обвела комнату беспокойным взглядом. – Что тут столько людей и так много всего подключено. Ведь эти бандиты могут узнать об этом, и испугаются, что их раскроют. И Сереженька... – она запнулась. – Вдруг он останется нераскодированным?

– Они знают, – сказал Толоконников. – Знают они прекрасно про наше присутствие, и нисколько не боятся. Наоборот, действуют нагло, напоказ. Мол, мы настолько крутые, что вы не достанете нас нигде и никогда.

– А вы? Вы достанете их?

– Сегодня постараемся, – сказал майор. Особой уверенности в его тоне не было.

– Нет, как же так? – спросил Изотов. – Я слава Богу, в банке работаю, кое-что в этом понимаю. Возьмем нашу исходную позицию – есть деньги на безналичном счете. Эта сумма снимается и переводится на другой депозит, в другой банк. Это называется транзакцией. В сущности, ничего необычного в этой операции нет. Неужели вы не можете проследить, куда ушел перевод? Проследить надо, и все. Ведь все равно эти бандиты когда-нибудь придут, чтобы снять со счета деньги. Тут-то и нужно их арестовать.

– Анатолий, – майор обратился к одному из молодых людей, – объясни, пожалуйста, Дмитрию Николаевичу, в чем наша проблема.

– Слишком быстрые они, – хмуро сказал круглолицый Анатолий. – Черт их знает, как им так удастся. Сперва вообще казалось, что деньги просто исчезают. Только что были на счету – и вот нет их. И куда ушли – непонятно. Но ведь ушли куда-то, правильно? В последний раз нам все-таки удалось зацепить начало этой цепочки. Значит, мы подключили одну специальную машинку, которая работает в пару тыщ раз быстрее, чем обычная. Она смогла записать часть пути. Потом мы смотрим – ну, это как в замедленной раскадровке – а там... Блин, хрен знает что... – парень осекся, поймав тяжелый взгляд начальника. – Пардон за выражение. В общем, там раскрутка по нарастающей идет – все быстрее и быстрее, из одного банка в другой за несколько микросекунд, а потом вообще все исчезает.

– То есть, счет проходит через множество банков?

– Ага.

– И что, все эти банки потом не знают, куда ушел перевод?

– Не знают. Любой банк должен хранить все логи пожизненно, но их просто не остается. Все затерто. Никаких следов! – Анатолий полез пятерней в растрепанную шевелюру, озадаченно поскреб затылок. – Что у них там за железо, что за софт? Нет сейчас в мире таких компьютеров, чтоб так работали. Прямо инопланетяне какие-то.

– Ребята, готовность номер один, – перебил его Толоконцев, глянув на часы. – Через две минуты они подключатся.

– А мы чего, мы давно готовы! – В глазах Анатолия появился азартный блеск охотника. – Всяко сегодня дальше пройдем, чем в прошлый раз. А в следующий раз...

– Нужно, чтоб не было никакого следующего раза, – зло сказал майор. – У тебя вот, Анатолий, детей нет, молодой ты еще – не понимаешь. А каково родителям? Быстрее нам надо цеплять этих жуликов, пока с крючка не сорвались...

– Они уже здесь, – хрипло произнес Изотов.

Экран, показывавший до этого главное меню "Богов Марса", окрасился вдруг в непроницаемо черный цвет. И на этом фоне появилась розовая мультипликационная физиономия.

– Здравствуйте, – сказала лицо неестественным голосом, невпопад шевеля губами. – Не будем терять времени. Вам нужен мальчик. Нам – деньги. Вы готовы?

– Да. Деньги есть.

– В каком банке?

– Подождите, дайте еще минуту! – Изотов перешел на нервную скороговорку. – Нам надо договориться! Вы можете дать нам гарантию? Полную гарантию! Мы не можем просто так... Мы хотели бы, чтобы вы сперва раскодировали мальчика, мы обещаем вам, что после этого переведем всю сумму...

– Не надо, Дмитрий Николаевич, – сказал Толоконцев, сморщившись, как от зубной боли. – Я же просил вас без импровизаций. Ну что вы, в самом деле...

– Мы согласны на все, – просипел Изотов. И замолчал.

– С вами там есть мент, – произнес электронный голос. – Майор Толоконцев. Я буду говорить с ним. Он не такой тупой, как вы, папаша.

– "Альфа-Банк", нижегородский филиал, – сказал майор. – Деньги – там.

– Счет обычный, не фиктивный?

– Обычное не бывает.

– Отправьте номер счета на адрес "3sgr27wdf@rambler.ru" И ждите ответа. Мы все проверим.

Лицо на экране исчезло.

– Это же адрес электронной почты! – громко зашептал Изотов. – Надо проверить, кто там зарегистрирован! Или выйти на IP-адрес. Вы знаете, что это такое – IP-адрес?..

Все трое – майор и двое его подчиненных – бросили на Изотова красноречивые взгляды. Изотов закашлялся и предпочел сделать вид, что ничего не говорил. В комнате наступила тишина – напряженная, едва выносимая.

– Все нормально, – лицо снова появилось на экране. – Эй, господа системщики, вы приготовили свои смешные машинки? Начинаем транзакцию. Раз, два, три... Поехали!

– Наглец! – с ненавистью произнес Толоконцев. Его помощники уткнулись в мониторы, пальцы их лихорадочно забегали по клавишам.

– Все! – сказал Анатолий. – Все, ей-богу! Поздняк метаться. Ушли деньги.

– Записали что-нибудь?

– Ни черта. Меньше, чем в прошлый раз. Вообще, можно сказать, ничего. Я же говорил вам, Виктор Алексеич – не тянет у нас железо. Что "Интелы", что "Атлоны" – все едино дрянь, детские погремушки. На них только в стрелялки играть, а не серьезные дела делать. Надо

сдаваться фээсбэшникам – это работа их уровня. У них процессоры приличные – "RISC". Причем последнего поколения, я точно знаю. Ирландские, правда, а не штатовские, но это без разницы...

– Кончай болтать! – перебил парня майор и опасно оглянулся на Изотовых – словно они могли выловить секретные данные в компьютерно-сленговой тарабарщине. – Работать надо лучше, а не на других валить. Поговорю я потом с вами...

– А как же Сергей? – Елена Валерьяновна смотрела округлившимися глазами, – ведь эти... они ушли, а он остался как был! Сереженька!

Она бросилась к мальчику – упасть рядом с ним на колени, обнять его, зарыдать во весь голос, проклиная служителей закона, злосчастных и бестолковых. Толоконцев успел поймать ее за руку – жестко, пожалуй, даже грубо. Рывком подтащил ее к стулу и заставил сесть. Изотов-старший дернулся было вперед – возмущенно, с привычным осадительным рефлексом начальника, но холодный взгляд офицера пригвоздил его к месту.

– Не трогайте мальчика, – сказал Толоконцев. – Ничего не трогайте и ничего не делайте. Иначе все испортите. Программа декодирования уже запущена.

Сергей дернулся – раз, другой, словно его било током. Потом зарычал, взвыл, выгнулся дугой... Вскочил на ноги, размахивая руками – нелепо, как пляшущий скоморох. Изотов-отец не выдержал, кинулся к сыну, попытался схватить его, усадить в кресло. И тут же отлетел в сторону – тонкая рука подростка отвесила оплеуху, способную свалить и быка.

– Сказали ведь, не трогайте! – удовлетворенно заметил Анатолий. – В позапрошлый раз мне досталось – полез удерживать сдуру. Две недели потом фингал сходил. Это ничего, минутку попляшет и успокоится...

– Заткнись! – рявкнул Толоконцев. – Господи, ну и помощнички достались...

Сергей остановился в нелепой позе, медленно открыл глаза. Взгляд, полный страха и боли, но все же не бессмысленный. Взгляд человека, вырвавшегося из другого мира.

– Сереженька! – взвизгнула Изотова. – Ты видишь нас? Видишь?

– Вижу, – сказал Сергей. – А где дроны, мама? Они улетели, да?

– Порядок, – констатировал разговорчивый Анатолий. – Очухался. Улетели твои дроны, парень.

– Какие еще дроны? – ошеломленно спросила Елена Валерьяновна.

– Дроны – это такие роботы летающие, обитают в пещерах, – пояснил Анатолий. – Я как-то играл в "Богов Марса" – приятель дал на станции пару часов поколбаситься. Забавная игрушка, только уж очень детская. А так ничего – графика качественная, музон приличный, "сло-мо", опять же, на уровне. Вы не беспокойтесь, Еленовладимирна, мальчик ваш пару дней поглотит слегка, а потом в норму войдет.

– Ну как с такими работать? – Толоконцев удрученно развел руками. – Взрослый человек, оперуполномоченный, а психика инфантильная. Игрушки все ему, "сло-мо" всякие... Никакого понятия о культуре, об субординации... Вы уж извините, Дмитрий Николаевич, если что не так.

– Все в порядке, – сказал Изотов, сидя на полу. – Спасибо вам, Виктор Алексеевич. Я все-таки позвоню генералу Тулищеву, попрошу, чтобы вам объявили благодарность...

– Не звоните, ради Бога, – покачал головой майор, – еще хуже будет. Не любит он, когда ему люди со стороны звонить начинают.

– Так у вас теперь что, неприятности будут? Из-за того, что вы на преступников опять не вышли?

– У нас уже давно неприятности, – сказал Толоконников. – С тех пор, как все это началось, все приятности закончились. Ладно, вы не переживайте за нас, Дмитрий Николаевич, с Тулищевым мы сами разберемся. Сворачивайте технику, ребята. Работы на сегодня еще пруд пруди.

Глава 2

Милена спешила. Нельзя сказать, что она опаздывала, но все же... Прямой эфир – всегда нервотрепка, особенно для тех, кто начал выходить в него недавно. Полтора месяца – не тот срок, за который можно привыкнуть к этой разновидности сумасшествия. То, на что опытному телеведущему хватало часа, занимало у Милены часа три – и то в дикой спешке. Прочитать все материалы заново, обнаружить, что все – дрянь и полуфабрикат, спешно перечеркать половину текста и написать новый, кляня себя за бесталанность и косноязычие, запихнуть текст в память телесуфлера и убедиться, что он работает нормально, не жует согласные... Отдать себя в руки визажиста – стервозной гомосексуальной сволочи непонятного возраста, чтобы она, эта сволочь, покрыла лицо сантиметровым слоем штукатурки, превратила его в гладкую желтую маску, уверяя при этом, что так лучше смотрится в онлайн (как ни странно, действительно лучше – раз за разом убеждалась Милена)... Выслушать по радиотелесуфлеру англоязычные наставления шефа из Москвы – чему уделить внимание, а о чем не заикаться вовсе (уже два года, болван, обитает в России, а по-русски связно говорить так и не научился)... Ну и где она, хваленая независимость корреспондентов Си-эм-эн? Переговорить (точнее, переорать) с оператором Гришей, заявившимся, как всегда, всего за двадцать минут до эфира, – похоже, опять с бодуна, пригрозить ему немедленным увольнением... Выйти в зал к зрителям, улыбнуться им, ободрить, попытаться объяснить, что от них требуется. И только в последние пять минут позволить себе плюхнуться в кресло, закрыть глаза и попытаться хоть как-то успокоиться и расслабиться.

Милена шла пешком, цокала каблукчиками по тротуару, выложенному аккуратной розовой плиткой. Машины пролетали мимо нее по широкому проспекту Белинского – сияющие металлик, мощные, наглые, гордящиеся своей красотой и скоростью. Она тоже могла бы стать хозяйкой такого механического чуда – средства позволяли. С комфортом сесть в салон, обтянутый натуральной кожей; завести двигатель, насладиться едва слышным рокотом могучего зверя; по-дамски грациозно переключить пальчиками рычаг автоматической коробки... Выехать с третьего этажа автостоянки, медленно покатиться по черной асфальтовой спине пандуса, следуя за гладкой задницей шикарной "Volga-luxury" – последней модели Нижегородского автозавода, самого популярного автомобиля в Европе. Могла бы... Милена боялась. Она уже пыталась выучиться вождению, даже заплатила за это деньги. И не смогла себя заставить. Каждый раз, когда ее руки касались руля, она вспоминала несчастный "Жигуленок", тараном несущийся на колесницу персов. Град пуль, грохочущий по капоту, ослепительное пламя взрыва... Удар, скрежет, золотые пластины обшивки, разлетающиеся в разные стороны... Кони, храпящие в смертельном испуге, калечащие друг друга шипами бронзовых пластин... Руки Иштархаддона, неумело вращающие баранку... Неужели это было на самом деле – колесницы древних персов посреди улицы Родионова, обычной улицы Нижнего Новгорода? Бред. Или сон?

Не бред и не сон. Все это было на самом деле – реальность, искаженная взбесившимся сознанием двух сражающихся между собой креаторов. И все прошло. Канули в прошлое гигантские Слепые пятна, похоронившие под призрачным туманом миллионы жизней, исчезли в одно мгновение орды дикарей, вооруженных луками и гранатометами. Деформация реальности исчезла после гибели тех, кто ее создал – двух людей, называвших себя креаторами. Двух монстров, превративших обычный город в поле виртуальной битвы.

Одним из этих людей был Игорь Маслов. Ее любимый. Игорь... Он умер. Убил себя. Понял, что не сможет контролировать бестию, способную созидать и разрушать, но не способную к жалости. Бестию, которой был он сам.

Мила грустно вздохнула и посмотрела на часы. Ого! Она резво прошлепала три километра вдоль проспекта – не заметив расстояния, полностью погрузившись в себя. Обычно она ездила на трамвае, но вот сегодня захотелось пройти пешком – дать работу ногам, развеять грустные мысли. Мысли, само собой, не развеялись, ну и черт с ними, нет времени думать – до комплекса "НН Глобал Коннекшн" остается несколько минут ходьбы. Три гигантских башни из стекла и бетона, царапающие небо сияющими стальными шпилями. И два десятка зданий помельче – этажей этак до двадцати-тридцати, причудливой архитектуры времен неопоставангарда. Возвести такое великолепие всего за год, на месте взорванного нижегородского телецентра – кому такое по силам? В одиночку – пожалуй, никому. Нижний Новгород, разрушенный Вторжением, отстраивали всем миром. Отличная идея: возвести на месте руин город-сказку – красивый, комфортный, идеальный. Перенаселенная Москва не справляется с демографическими и финансовыми проблемами? России нужен новый международный центр информационных технологий? Вот вам, пожалуйста – мегаполис-мечта, город будущего. Нижний Новгород. Прорыв в счастье. Город умных.

Два слогана: "ПРОРЫВ В СЧАСТЬЕ" и "ГОРОД УМНЫХ", начертанные потускневшими буквами на длинных обтрепанных полотнах, висели поперек проспекта, слабо трепыхались под весенним ветерком. Прорыв... Нарыв. Милена упрямо качнула головой. Можно посадить красивое экзотическое деревце в холодную северную почву и немедленно объявить о успешной акклиматизации. Это не так уж и трудно. Только этого недостаточно для выживания. Растение придется накрыть стеклянным колпаком, подогревать грунт, вносить дорогостоящие подкормки. И все равно у деревца будет два дальнейших пути – либо зачахнуть и умереть, либо переболеть, но приспособиться, превратиться во что-то совершенно новое, непривычное для взгляда хозяина, не столь красивое внешне, как это планировалось селекционерами, но жизнеспособное.

Нежное растение, заботливо выращенное на почве Нижнего Новгорода, болело. Признаки болезни едва различались глазом – трудно было приметить их на фоне красочных цветов и ярко-зеленых листьев причудливой формы. И уж само собой, те, кто должен был освещать для мировой общественности развитие города-конфетки, этакое трехсотэтажного Чупа-чупса, старались не замечать пятен плесени. И Милена была одной из тех, кто радостно, с энтузиазмом, расхваливал в эфире Радионета любимое детище неоглобализма.

Стеклянная дверь бесшумно раздвинулась перед Миленой. Она прошла через просторный вестибюль, на секунду задержалась перед аркой пропускника, автоматическим движением провела пластиковой картой по прорези детектора. Вошла в зеркальную кабину лифта, оказавшуюся на удивление пустой, и понеслась вверх, на сто двенадцатый этаж. Придирчиво оглядела свое отражение. Н-да... До стандарта красавицы вы, госпожа Серебрякова, никак не дотягиваете. Росточком маловата, ножки тоненькие, голенастые. И грудь, Милена, где ваша грудь? Где ваш пышный бюст? Вы оставили его дома, забыли пристегнуть? Не пора ли задуматься о пластической операции? Все современные, без предрассудков, дамы в вашем отделе давно уже прибегли к этой неопасной, безобидной манипуляции. Теперь на них приятно смотреть. Они соответствуют стандарту. А вы – нет! Может быть, поэтому на вас не обращают внимания мужчины? И именно поэтому вы пользуетесь репутацией "синего чулка"?

– Сами вы чулки! – сказала Мила и показала изображению язык. – Чулки-дураки. Если бы я встретила хоть одного нормального мужика, он сразу бы стал моим. Моим! Сразу! Никуда бы он не делся. Только где их взять, нормальных...

Врушка. Самообманщица. Нормальных мужчин вокруг нее было хоть отбавляй. Нормальных, и красивых, и мужественных, и даже просто хороших. Только все они не подходили ей. Потому что они не были Игорем Масловым. Все они в подметки ему не годились. Милка любила только его – Игоря. А он умер.

Она никак не могла справиться с этой болезнью. Не могла поверить в то, что он умер. Сама ведь шла за его гробом, плакала навзрыд. Сама кинула горсть земли в его могилу. Похоронила его. И вот нате – до сих пор разговаривает с ним и пишет ему письма.

Сумасшедшая. Интересно, что бы сказали ей на работе, если бы узнали об этой странности? Посоветовали бы обратиться к психотерапевту, конечно. Это сейчас модно – ходить к психотерапевту. А вот на самом деле – взять и пойти. И свести дяденьку-психотерапевта с ума. Рассказать ему, что тот, кого похоронили, был вовсе не Игорем Масловым, а древнеассирийским полководцем Иштархаддоном из рода Слышащих Иштар. Точнее, его телом. И что разум Иштархаддона вселился в выжившее тело его двойника – Игоря. И очень скоро довел это худосочное тело до своих прежних, шварценеггерообразных габаритов. Таким образом, что у нас есть теперь? Есть Иштархаддон, он же Хадди, из целей конспирации называющий себя Игорем Масловым. Милена пыталась полюбить его – он так был похож на Игоря... У нее не получилось. Она даже не знает, где он живет последние полгода. А где же разум, где душа настоящего Игоря? Похоронены вместе с оплаканным телом? Наверное, да. И все равно не верится.

Ну что, господин психотерапевт, слабо разобраться? Говорите, хороший психиатр здесь нужен? Необходимо тщательное обследование и кропотливое лечение, лучше в стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением? Идите к черту, господин психотерапевт. Обойдусь. Сама разберусь. А если не разберусь, буду терпеть. Просто терпеть. Мне не привыкать.

Все это нужно оставить там, за дверью своей квартиры – слезы, душевные переживания и несостоявшиеся мечты. Здесь – работа. Сегодня у Милены важный день. Можно сказать, выдающийся. Слава Богу, шефы передачи не подозревают, насколько выдающийся. Если бы догадались, не пустили бы ее не то что в студию, даже в это здание. Надавали бы пинков и выгнали. Пинки еще будут, дай Бог чтоб только пинки... Ладно, нет смысла отступать. Отступать еще страшнее, чем идти вперед, потому что сзади – грязь, гной нарыва, готового вскрыться. Если вскрыть его суждено именно ей – что ж, это судьба. Когда-то она уже молчала до последнего, с ужасом наблюдая, что творится в закрытых сетевых баттлах, какая зараза там зреет. Тогда все кончилось плохо. Да, похоже, и не кончилось вовсе – уж очень то, что начало происходить сейчас, напоминало рецидив старой болезни. Синие вспышки... Это ж надо! Никому в этом городе ничего не говорит такое словосочетание – "синие вспышки". Только ей. Или не только? Так или иначе, те, кто уже знает о том, что это означает, предпочитают молчать, утаивать информацию. А она скажет. Скажет всем.

Милена деловитым шагом прошла вдоль коридора, сухо кивая по пути всем встречающимся. Между прочим, статус ее здесь достаточно значителен. Пусть для сослуживцев она всего лишь девчонка с мартышачьей мордочкой, выскочка, за год преодолевшая карьерный путь от мелкого местного корреспондента до ведущей собственного ток-шоу. Плевать на сослуживцев. Когда она выходит в прямой эфир, то становится властительницей дум, дирижером реплик. Это она, Милена, придумала передачу "Кремль № 2" – популярную, повышающую свой рейтинг с каждой неделей. Она сумела убедить руководителей канала, что такая передача нужна. И сегодня – ее день, день Милены Серебряковой, даже если он и станет ее последним днем в Си-эм-эн.

Короткий визит в зал съемки. Все в порядке – моют пол, вытирают пыль с пластиковых панелей, подворачивают крепления в вечно разболтанных креслах для зрителей. Через час все будет сиять и искриться. Зальчик, конечно, маленький – рассчитан всего на двадцать зрителей, одну ведущую и одного оператора, орудующего, правда, сразу шестью видеокамерами. В эфире кажется, что зал в пять больше – но это уже за счет компьютерной технологии. Каждую неделю, по вторникам, сюда собираются двадцать человек – само собой, коренные нижегородцы. И все, как один, начинают изумляться – неужели эта душная комната и есть

шикарный зал съемок? Она и есть, дорогие сограждане. А где же панорамное окно с видом на нижегородский кремль и Большую Покровку? Где пирамида из розового стекла, увитая лианами, где зимний сад и бассейн с журчащими водопадами и плавающими лебедями? Все будет, дорогие мои, все будет. Мы вручим каждому из вас диск с записью сегодняшнего прямого эфира, и вы убедитесь, что все на месте – и водопады, и водоплавающие. А что их не существует на самом деле – пусть это останется нашей маленькой тайной. Видели бы, что творится в конурке, в которой снимают синхронные прыжки с парашютами... Что, и они?.. А вы как думали? Подмигнуть правым глазом, деликатно хихикнуть. Все, момент дружественной интимности создан, единение достигнуто. Можно работать.

Все это будет потом, через несколько часов. Что-то будет...

Милена отогнала тревожные мысли и отправилась в студию – предстояла работа над текстом. Пятеро корреспондентов трудились в поте лица – едва оторвали взгляды от экранов, чтобы поздороваться. Милена достала из сумочки маленький золотистый диск, скормила его компьютеру. Уселась в кресло и задумалась.

Домашние наработки. Текст – достаточно остроумный, в меру провокационный, в целом демонстрирующий лояльность к идеологической линии канала. "Кремль № 2" – о чем эта передача? Конечно же, о Нижнем Новгороде. Кремль номер один – в Москве, это ежу понятно. А наш, нижегородский кремль – уже не просто один из многочисленных кремлей и кремлишек, раскиданных по городам российской глубинки. Это, уважаемые телезрители, кремль города, претендующего на второе место в великой стране России! А кое в чем – и на первое место, в частности, по высоким технологиям. Только вот довольны ли коренные нижегородцы переменами в своем городе, переворачивающими все их представление об привычном образе жизни? Не все, оказываются, довольны – можете себе такое представить?! По статистике – тридцать пять процентов нижегородцев недовольны. Что же не устраивает этих строптивых граждан? Работы нет? Нет, с этим все в порядке. Низкий уровень жизни? Грех жаловаться – по этому показателю обогнали всю Российскую федерацию. Что там еще? Свобода слова? Экология? Безопасность личности? Все на высшем уровне, господа! Вероятно, нижегородцы просто зажрались.

Милена вспомнила, как полгода назад она стояла перед московским шеф-редактором канала, Гленом Кирби, и пыталась объяснить ему свою концепцию.

– Гражданское общество Нижнего Новгорода необычно, оно выходит за рамки любых социопсихологических моделей, – говорила она тогда. – Необходимо учесть трагическую специфику – год назад здесь случилась катастрофа, невероятная по своему масштабу, уничтожившая три четверти населения города. У каждого из выживших нижегородцев погибли родные и близкие, и большинство из них даже не похоронено – они просто канули в небытие. Жизнь в компании мертвецов, не преданных земле – вот удел многих, до сих пор не поверивших в смерть близких людей. В сущности, социум нашего города нездоров в психическом отношении – он страдает неврозом навязчивых страхов, всеобщей манией преследования. Город, который пытаются представить как образец умиротворения и социального благополучия, на самом деле является коллективным психопатом, нуждающимся в лечении.

Девушка, переводившая речь Милены, не раз запинаясь и переспрашивала. Милена понимала, что переборщила с научными терминами, и все же чувствовала, что только атакующим, не дающим опомниться маневром ей удастся убедить шефа создать новую передачу. Она слабо ориентировалась в социопсихологии – умные слова были позаимствованы из книги, написанной видным американским психоаналитиком и заучены наизусть. Но все, что она говорила, являлось чистой правдой. Правдой, на которую предпочитали закрывать глаза.

– Э-э, но позвольте, как же так? – Кирби помахал рукой в воздухе. Он говорил по-английски, и теперь секретарша переводила на русский. – Ведь и ваше правительство, и весь

развитый мир, в частности, США, сделали очень много... э... все, что могли, именно для вашего города. Психическая травма, перенесенная в прошлом, это, конечно, очень серьезно. Но жители вашего города должны чувствовать себя комфортно сейчас, потому что у них есть великие возможности для возрождения...

– Комфортно? – Милена сжала кулачки, забыла вдруг все научные слова. Неужели этот чертов американец не понимает, о чем идет речь? – Вы говорите о комфорте, господин Кирби? А вы можете представить себе, господин Кирби, мужчину, который бросается под бульдозер, разгребающий обломки десятиэтажного дома? Знаете, что он кричит? "Не трогайте, это могила моей семьи! Нельзя трогать могилы!". Этот тип, определенно ненормальный, в недалеком прошлом известный бизнесмен, мешает работе на стройке весь день, и в конце концов его изолируют в хорошую психиатрическую клинику – гуманно, всего лишь на два дня, на то время, пока уберут обломки. Сами подумайте – как же не трогать могилы, если весь город – сплошная могила. Через два дня этот человек выходит, идет на эту стройку и разбивает себе голову об бетон – чтобы умереть на том же месте, где умерли все его родные – мать, жена и четверо детей, двое из них приемные. Он больше не хочет жить. Еще представьте себе женщину, которая везде ходит с игрушкой – такой большой пластмассовой куклой, и сажает ее рядом с собой на отдельное место в трамвае, и берет на нее билет. А когда кондуктор говорит, что билет брать не нужно, то женщина удивляется: "Почему же не нужно? Оленька у меня большая, ей уже восемь лет". И улыбается счастливо, по-матерински, и гладит куклу по голове. А вот еще: мальчик без рук, который живет на улице, и никакими средствами его невозможно затащить в дом. У него клаустрофобия – боязнь замкнутых помещений. Знаете, почему? Он прятался в подвале, но дикари нашли его. Пожалели ребенка, не убили – только лишь изнасиловали, отрубили руки по самые плечи и прижгли раны огнем, чтобы не истек кровью...

– Вы говорите о случаях явных душевных расстройств, – перебил ее Кирби. – Я сочувствую вам, Милена. Вам и вашему городу. Все это действительно ужасно. Но... мне кажется, что это – не тема для ток-шоу. Вы сами говорите, что многие в вашем городе находятся в депрессии. Не стоит их расстраивать еще больше. Нужно быть очень деликатным, я бы даже сказал, осторожным, когда мы говорим о проблемах Нижнего Новгорода.

– Вот, все так говорят, – зло сказала Милена. – Как только заводишь речь о Нижнем Новгороде – натыкаешься на глухую стену. Просто заговор молчания! Все это очень странно – например, московскую криминальную хронику показывают без купюр, так как есть. Трупы, кровь, автокатастрофы – любуйтесь, пожалуйста. Если же Нижний Новгород – все исключительно в сладко-сиропном варианте. Это несправедливо! Вот вы представьте себе старушку с выколотыми глазами, бывшую преподавательницу музыки...

– Милена, – Кирби снова перебил ее. – Я вижу, вас очень трогают ужасные сцены. Я понимаю, что вы глубоко переживаете страдания своих сограждан. Разрешите, я тоже нарисую вам одну картинку. Африка, Эфиопия. Засуха, большой голод. Приезжает гуманитарная помощь. Палаточный лагерь – американские люди идут и раздают пакеты с едой. Там лежит мальчик, весь... как это сказать... У него вся кожа покрыта язвами. Над ним летает много мух, они садятся на него, ползают по нему, но он не обращает внимания. Он лежит на боку, у него огромный живот, а руки и ноги тонкие, как палки. Это крайняя степень дистрофии – понимаете, Милена. Ему лет десять, но выглядит он как старичок. И там много таких детей в этом лагере – несколько сотен. Я подхожу к этому мальчику, сажусь рядом с ним на корточки. Я знаю, что не могу дать ему что-то твердое, потому что он не сможет разжевать – у него нет зубов, выпали. Я открываю банку с картофельным пюре, я пытаюсь кормить его с ложечки. Сам. Мухи мешают мне, они кусаются. А мальчик... Он отодвигает мою руку. Он уже не хочет есть. Он забыл, что это такое – еда. Я видел такое сотни раз – я работал в Африке семь лет. А Афганистан... Я пробыл там полгода, но до сих пор просыпаюсь по ночам от

кошмара. Вы и представить себе не можете, что там творится. Вы говорите о несправедливости, Милена. Только как же тогда с Африкой? Да, у развитых стран сейчас имеется значительное количество свободных финансов, которые могут быть направлены нуждающимся. Но вот вашему городу помогают гораздо больше, чем, к примеру, Эфиопии, хотя в помощи нуждаетесь вы гораздо меньше. Это не кажется вам несправедливым?

Милена внимательно посмотрела на Глена Кирби. Стопроцентный американец: демократично, но со вкусом одет, холеные ногти, седина на висках. Аккуратно подстриженная щеточка усов. И глаза – умные, грустные. Ох, непрост господин Кирби. На хромой кобыле такого не объедешь.

– Я не живу в Африке, – тихо сказала Милена. – Если бы я жила там, то, возможно, пришла бы вам с просьбой о помощи Эфиопии. Но я живу в своем городе. Я болею душой за него. И прошу вас именно об этом. Да, наши люди окружены заботой, но они привыкли бояться чужих. Им очень сильно досталось от чужих, и теперь большая часть нижегородцев – откровенные ксенофобы. Им страшно принимать помощь от тех, кто пришел извне, тем более, что значительная часть тех, кто пришел – иностранцы. С этим комплексом нужно бороться. Его нельзя замалчивать, о нем нужно говорить. И это может действительно помочь. Конечно, то, что я вам предлагаю, ток-шоу, это не выход, но хотя бы какая-то попытка выхода из положения...

– Хорошо, – сказал Кирби, – вы меня убедили. Мы попробуем.

И улыбнулся.

Глава 3

– Милена, – кто-то дотронулся до ее плеча и она вздрогнула, обернулась. Стив, ответственный редактор, стоял за ее спиной с озабоченным выражением лица. – Извини... Мне кажется, ты о чем-то сильно задумалась. Я еще не видел текста. Он готов?

– Да, конечно. – Милена щелкнула кнопкой мыши и листы с распечаткой поползли в лоток принтера. – Почитай, Стив. Там ничего особенного. Все как обычно.

Само собой, ничего необычного в этом тексте нет. Тема сегодняшнего шоу: "Отношение нижегородцев к сетевым технологиям". И какое же отношение они имеют к этим самым технологиям? А самое прямое. У любого жителя города-мечты на столе стоит компьютер, днем и ночью не отключающийся от Интернета. Должен стоять. Обязан. А если кто-то из нижегородцев не хочет покупать компьютер, скажем, из-за скупости или нежелания осваивать основы обращения с современной техникой – что ж, это решается. Компьютер ему подарят, и обращаться научат.

В конце концов, это очень удобно – комплекс домашней бытовой техники, связанный беспроводной сетью с компьютером. Даже сидя на работе, без труда можно узнать, что творится дома – постирала ли машина белье, готова ли курица в микроволновке, записал ли видеомэгнитофон любимую телепередачу. Можешь дать команду на то, чтобы пылесос не поленился и еще раз прошелся по ковру в гостиной. А уж о забытом уюте можно и подавно не беспокоиться – компьютер выключит его сразу же, как только вы покинете квартиру. И научиться этому совсем не сложно – управление программами, обслуживающими домашнюю технику, доступно даже пятилетнему ребенку. Прорыв в будущее – что тут и говорить...

– Все нормально, – сказал Стив, бегло просматривая листы. – Вот только тут, – он показал пальцем, – тут слишком много иронии. Может показаться, что ты – против использования Интернета в управлении машинками для стрижки волос. Это придется убрать.

– Уберу, – пообещала Милена. Подумаешь, парикмахерские машинки – ерунда какая. – Все сделаю, Стив.

– Ну ладно, удачи.

Стив побрел из студии. Грустный он какой-то сегодня. Не выспался, что ли? Или нутром чувствует грядущие неприятности?

Теперь нужно подобрать видеоряд для вступительной речи. Его тоже будут предварительно просматривать. Нужно, чтобы он полностью соответствовал тексту. Будет, можно не сомневаться. А еще желательно, чтобы он подходил к тому, что она скажет на самом деле. Это сложнее, но тоже решается.

Она должна сказать все сразу. С самого начала. Потому что потом ей переключат эфир. Обязательно переключат. Но пять минут у нее есть – пока они там очухаются. Пять минут. Более чем достаточно.

Милена принялась за работу. Она чувствовала все нарастающее возбуждение.

* * *

– Добрый день! – Милена жизнерадостно махнула рукой и разразилась белозубой улыбкой. – Мы приветствуем всех, кто собрался в этом зале, всех тех, кто нас смотрит, всех тех, кому интересна наша передача! В прямом эфире – ток-шоу "Кремль № 2"!

Зрители с энтузиазмом захлопали.

Сколько глаз смотрит сейчас на экраны телевизоров и мониторы компьютеров? Как сообщает статистика, в Нижнем Новгороде – каждый третий. Да и в других городах, особенно в крупных российских – немалое количество ЕЕ телезрителей. Телезрителей Милены

Серебряковой. Еще год назад существовало какое-то, хоть и минимальное, различие между передачами по телевидению и их Интернет-версиями. Милена начинала именно как корреспондент электронной версии Си-эм-эн. Теперь это различие исчезло. Милена знала, что сейчас многие в Нижнем смотрят ее шоу вполглаза, в виде живой картинке в углу монитора, слушают ее вполуха. И, само собой, на миллионах компьютеров идет автозапись передачи – если что, вернуться, пересмотреть интересные моменты. Будет вам такой момент, будет.

На большом экране за спиной Милены пошел видеоряд. Вид с высоты птичьего полета на башни "НН Глобал Коннекшн" – камера пикирует вниз, на шпиль антенны, входит в него как в масло, несется по туннелям кабелей – черных, переливающихся зелеными звездочками, вырывается в пространство операционного зала, сплошь уставленного аппаратурой, ныряет в системный блок станции, снова несется вдоль бесконечных кабелей и проводов, чтобы выпорхнуть в квартире. Идеально подобранный дизайн мебели, дорогая домашняя техника, все устройства работают – стиральная машина крутит барабан, пылесос деловито ползет по коридору, посудомойка обдает в своем чреве тарелки пенящейся водой. Эффектная картинка, что и говорить...

"Сегодня мы собрались здесь, чтобы поговорить о сетевых технологиях и об отношении к ним жителей Нижнего Новгорода, – забубнил голос телесуфлера в маленьком, незаметном глазу наушнике. – То, что способно облегчить нашу жизнь, взять на себя нудные хлопоты по домашнему хозяйству, в доли секунды связать нас с любым отдаленным уголком мира"...

– Мы поговорим о сетевых технологиях, – сказала Милена. – Слово "WEB" переводится на русский язык как "паутина" – конечно, вы знаете это. Но многие ли из нас, пользующихся сетевым управлением каждый день и каждый час, задумывались о том, насколько эта паутина, оплетающая все и вся, безопасна? Я берусь утверждать, что безопасность эта сильно преувеличена. Двери наших квартир могут быть бронированными, многослойными, с самыми надежными и хитроумными замками. Это спасает наше жилище от проникновения грабителей и убийц. Но никакие двери не смогут спасти нас в том случае, если некий преступник попытается осуществить нападение через электронную сеть. Эта дверь открыта постоянно – домашние компьютерные станции, контролируемые через Радионет, не отключаются ни на секунду. Дверь в ваш дом распахнута настежь – нужно только знать, как в нее войти.

Телесуфлер продолжал тупо произносить то, что забито в его память. Пока никаких реплик от Стива. Он что, не видит, что она полностью похерила представленный ему текст? Обалдел, сидит с открытым ртом и не знает, что ему делать? Очень даже вероятно. Впрочем, даже если он консультируется сейчас с Москвой, у нее еще достаточно времени. Никакой выпускающий редактор, даже самый крутой, не посмеет вырубить прямой эфир без приказа вышестоящего начальника. А то и нескольких начальников. Отлично. Вперед!

– Подождите, Милена! – Мужчина в третьем ряду поднял руку – борода, длинные всклокоченные волосы, неплохой черный костюм, белая рубашка и бабочка на шее. Экстравагантный тип. – Можно мне возразить?

– Пожалуйста! – Милена обрадовалась тому, что начинается дискуссия. Она не хотела бы, чтобы сегодняшнее шоу выглядело как чрезвычайное происшествие, чтобы полностью нарушились каноны жанра. Быстрые шаги по сцене, микрофон под нос бородатому. – Говорите, мы слушаем!

– То, что вы сказали, это глупость! Вернее, это не глупость, но это не новое! Все это старое! Об этом писали уже сто раз! – Мужчина нервничал, брызгал слюной. – Вы, конечно, думаете, что открыли Америку, когда говорите, что сети открыты для преступников. Так вот, вы открыли велосипед! Во всем мире давно применяются надежные системы защиты. Любой сигнал, который приходит на ваш персональный компьютер, уже много раз обрабо-

тан – он прошел через фильтры, разложен на части, проверен на предмет опасных составляющих и собран снова...

– Это касается прежде всего кабельной связи Интернета, – холодно заметила Милена. – А я говорю о Радионете. Кто может дать гарантию, что сигнал, пойманный вашей домашней станцией, не направлен преступником в обход всех центральных серверов, и что он не содержит разрушительные вирусы или еще что похуже?

– Да как же вы не понимаете, что это одно и то же? – заорал бородатый. – Не все ли равно, кабель или радиоволны? Все защитные системы встроены в ваш компьютер. А если они наткнутся на что-либо подозрительное, тут же отправят это для анализа на главный сервер, чтоб он все перепроверил. Это займет долю секунды, вы этой задержки даже не заметите. Извините, Милена... – мужчина извлек из кармана платок, промокнул вспотевший лоб. – Мне не стоило так горячиться. Вопрос действительно простой, только вот начинаешь раздражаться, когда он поднимается уже в тысячный раз.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Владимир Фирсов, рекламный агент предприятия "Нижегородские информационные ресурсы".

Ага, вот оно что. Наверное, его сильно достают такими вопросами. Бедняга. Ладно, Владимир, держись. Сунулся в роль оппонента – на тебе и отыграюсь. По полной программе.

– Компьютерные вирусы – это, в сущности, не так страшно, – сказала Милена. – Если даже какой-то из них, несмотря на гарантию, данную нам только что господином Фирсовым, сумеет прорваться в вашу систему и что-нибудь там испортить, к вам немедленно придет мастер и все наладит, причем бесплатно. А вот что вы скажете, уважаемый Владимир, о возможности воздействия через сети на нервную систему человека? О том, что его можно оглушить специальным сигналом? И не просто оглушить, а превратить в бесчувственное тело, лишенное всякой разумной деятельности?

Оживление прокатилось по залу волной рокота. Руки потянулись вверх, кто-то в противоположном секторе даже встал, пытаясь обратить на себя внимание. Обойдется, потерпит. Все равно он не скажет ничего такого, чего не знает Милена. Сегодня будет говорить она. Сегодня ее день.

– Ну, это уже что-то из области фантастики, – промямлил Фирсов. – Где-то писалось о том, что, якобы, уже создано что-то такое психотронное... Но ведь все равно защита это не пропустит, на то она и защита...

– Пять подростков! – Милена подняла вверх руку с растопыренными пальцами. – Пять! Именно такое количество детей подверглось за последний месяц атаке через Интернет, а точнее, через домашние станции вайднет-баттлов. И все эти случаи произошли здесь, в Нижнем Новгороде. Какого-то рода воздействие в считанные секунды погрузило их в глубокую кому. Но вы даже представить себе не можете, что произошло дальше...

"Милена, прекрати немедленно! – завопил голос в наушнике, заглушив суфлера. – Что ты несешь? Прекрати говорить глупости и вернись к правильному сценарию шоу! Иначе у тебя будут большие неприятности!"

Ага. Стив. Прорезался-таки. Прощай, Стив. Ты хороший парень, но... извини.

Милена уцепила пальцами микродинамик, вытащила его из уха и положила в карман.

– А дальше произошло вот что, – продолжила она. – Родителям этих несчастных детей позвонили некие люди, и сообщили, что, во-первых, это они ввели ребенка в кому особым, никому не известным способом, который они называют "кодированием". Во-вторых, они потребовали внести огромный выкуп за то, что раскодируют ребенка. В-третьих, они не требовали соблюдать в этом деле секретности. Они не боятся привлечения к этому делу милиции. Похоже, что они не боятся никого и ничего.

– Это что, дешевая сенсация? – спросил Фирсов, глядя на Милену изрядно выпученными глазами.

– Это сенсация. Только, к сожалению, не дешевая. Она очень дорого обошлась родителям трех детей, которые внесли выкуп. Но еще дороже – тем двум подросткам, за которых выкуп не внесли. Они погибли. Умерли, не приходя в сознание, через пять дней после нападения.

Дверца в стене – боковая, не видная зрителям, приоткрылась. И там появился Стив – разноцветный, покрытый от волнения белыми и красными пятнами. Крестообразный знак, который он яростно изображал руками, был понятен любому телевизионщику. Тушите, мол, свет, сливайте воду. Причем, адресован этот знак был прежде всего оператору. Милена оглянулась через плечо на Гришу. Гриша невозмутимо управлялся со своими камерами, скользящими по всему залу, искал наиболее выгодный ракурс. Снятые его наушники валялись на пульте. Видать, его тоже достали воплями в ухо. Молодец, Гриша. Впрочем, чего ему терять? Так или иначе его выгонят – не сейчас, так через пару недель. За пьянство, несовместимое с американским образом жизни. Но все равно – молодец. Приятно чувствовать поддержку.

Пока Милена оглядывалась, проводила рекогносцировку, в обстановке произошли изменения. Микрофоном завладел дяденька лет сорока пяти, весьма сурового вида, с квадратной челюстью и обветренным лицом. Он не поленился прогуляться – пришел собственными ногами из противоположного сектора.

– Я – сотрудник МВД Нижегородской области, – сказал он. – Должность и звание называть не буду. Фамилию – тоже, ни к чему это. Зовут меня Евгений Петрович. Я хотел бы узнать, на основании каких фактов вы сейчас тут рассказываете все это. Вот, к примеру, я не знаю ничего такого. А если бы такое произошло в самом деле, я бы уже давно это знал. По долгу службы. Прошу уточнить...

– Скоро узнаете, – заверила его Милена. – Я думаю, уже сегодня вечером об этом будет говорить весь город, и не только город – вся страна.

– И не только страна, – ехидно встрял бородатый Фирсов, – но и весь мир! Вся галактика! Вот из-за таких, извиняюсь, журналюг, которые высасывают сенсации из пальца...

Милена нажала на кнопку и его микрофон замолчал.

– Мне рассказала об этом моя знакомая, – сказала Милена. – Это мама четырнадцатилетнего мальчика. Того самого, которого вывели из комы последним. Это случилось всего лишь десять дней назад. Для него все закончилось благополучно, насколько вообще может быть благополучным исход такой ужасной истории. Он до сих пор заикается и неуверенно двигается, не спит по ночам. Но, слава Богу, он остался жив. А вот мама его находится в страшной тревоге. Само собой, она удалила из дома игровую станцию вайлднет-баттла. А потом она попыталась отключить от Радионета домашний компьютер, заставить его работать в автономном режиме. Разумеется, у нее ничего не получилось, и в конце концов она просто выключила его. Тут же к ней пожаловали представители фирмы и настойчиво попытались убедить ее, что компьютер должен работать все время. Она отказалась. Агенты фирмы продолжают осаждать ее, но пока она держится. Кстати, вся ее домашняя техника прекрасно работает без подключения к Интернету. И, самое главное! – Милена снова подняла руку, призывая к терпению телезрителей, гудящих, как рой растревоженных пчел. – Самое важное! Мама этого мальчика никак не может понять, почему о случаях электронного нападения на детей до сих пор так никто и не знает. Она попросила меня выступить в открытом эфире. Я полностью согласна с ней – и нашим детям, и всем нам грозит большая опасность! И опасность эта заключается в чрезмерном контроле нашей жизни сетевыми технологиями! К сожалению, совершенствуются не только системы защиты, но и способы преодоления этой защиты! То, с чем мы столкнулись сейчас – это новый вид преступности, основанный на воздействии на человеческую психику при помощи Интернета! Я думаю,

российскому Управлению внутренних дел стоит предать гласности все случаи подобных преступлений и позаботиться об предотвращении подобного в дальнейшем!

Последние слова Милены почти утонули в шуме аудитории, повскакивавшей с мест, размахивающей руками и выкрикивающей кто во что горазд. Милена перевела дыхание, оглядела зрителей. Неплохо... Похоже, большая часть – на ее стороне. Даже Фиирсов сидит с обалдевшим видом, а мент Евгений Петрович побагровел лицом, но помалкивает. Призадумался, если в любую минуту из твоего монитора может вылезти жуткая гадость и лишит разума, или даже убить. Зерна, щедрой горстью кинутые Миленой, упали на благодатную почву.

До конца шоу – десять минут, но эфир так и не отрубают. Великолепно. Теперь, вероятно, уже и не вырубят – упустили время. Ага, вот еще один оппонент лезет – типичный клерк из администрации, лет двадцать пять, внешность гладкая, пиджачок за две штуки баксов. По глазам видно, что еле сдерживается от желания засветить ведущей по физиономии. Отлично. Иди сюда, мой сладкий. На тебе микрофончик. Выговоришься, остынешь.

– Я думаю, что мы имеем дело с хорошо спланированной, и, без сомнения, оплаченной акцией, – парень заговорил ровным, хорошо поставленным голосом, профессионально давя кипящую злость. – Цель этой акции – посеять панику на потребительском рынке и резко снизить покупку современной бытовой и компьютерной техники. С таким же успехом можно призывать не покупать автомобили, потому что они угрожают нашим детям! И еще – по выступлению ведущей программы можно судить, что она разбирается в сетевых технологиях только на уровне пользователя, проще говоря, примитивно. Я думаю, что в интересах нашего города было бы обсудить это вопрос за широким столом, с привлечением настоящих профессионалов...

– Я те покажу профессионалов! – завопила толстая тетка со второго ряда и попыталась ударить парня сумкой. – Видели мы таких, молодых да ранних! Только деньги хапать можете!..

Ого, вот это уже совершенно лишнее. Здесь шоу, а не базар. Милена вклинилась между теткой и парнем, едва не схлопотав сумкой по голове, оттеснила парня на середину сцены. Так спокойнее. Надо ж, как страсти разгорелись! Хоть пожарных с брандспойтом вызывай.

– Я и есть профессионал, – сказала она. – Я закончила Нижегородский технический университет по специальности "Системы связи и коммуникации" и до того, как придти на Си-эм-эн, работала программистом в системе закрытых игровых сетей. Как вас зовут? Представьтесь, пожалуйста.

– Сергей Суриков, – гордо заявил парень.

Чем это он так гордится? Ах да, фамилия. Наверное сын Сурикова, видного деятеля городской думы. Почему бы и нет? Лицом похож.

– Вы знаете, что такое "клоузнет-баттл", Сергей?

– Знаю.

– Случалось играть?

– Да. А, собственно, в чем дело?..

– Вы знаете, Сергей, что уже полгода как закрытые системы сетевых игр, они же "клоузнет-баттлы" запрещены в России и во всех развитых странах?

– Да, я в курсе. Извините, мне кажется, вы начинаете уходить от темы. Ваша сегодняшняя акция...

– Вы знаете, почему "клоузнететы" запрещены? – Милена слегка повысила голос.

– Так, приблизительно... – стушевался Сериков.

– Тогда я напому вам! – громко произнесла Милена. – Я думаю, нет нужды рассказывать о Вторжении – трагических событиях, произошедших чуть более года назад в шести крупных городах: в Нижнем Новгороде, Бирмингеме, Бостоне, Острове, Нагое и Мельбурне.

Появление гигантских Слепых пятен, нашествие орд непонятных древних людей, невероятное по жестокости истребление миллионов мирных жителей... Вряд ли вы когда-нибудь сможете забыть такое. Проведенное расследование показало, что наиболее вероятными причинами произошедшего стали искажения реальности, вызванные неизвестными науке волновыми факторами. Определенных выводов международной комиссии по расследованию так до сих пор и нет – возможно, что объект изучения слишком сложен, также вполне вероятно, что выводы настолько неприятны, что скрываются от мировой общественности. Одно известно точно – источником искажения стали клоузнет-баттлы. Несмотря на мощное экономическое и политическое лобби со стороны производителей и дистрибьюторов сетевых технологий, закрытые игровые системы были законодательно запрещены и закрыты в июле-августе 2005 года. И что же мы видим? Пустое место мгновенно заполнили почти такие же системы – только теперь открытые. Теперь они называются "вайднетами". В отличие от клоузнетов, в них не ведется игра на деньги, они гораздо более дешевы и доступны, чем элитарные клоузнеты. Дистрибьюторы открытых баттлов уверяют нас, что их системы абсолютно безопасны и ничего общего с закрытыми не имеют. Но посмотрите сами – мощные компьютеры, называемые домашними игровыми станциями, система центральных серверов, специальная кодировка сетевых протоколов – все это перекочевало прямиком из клоузнетов, почти не подвергнувшись изменениям. Более того, все это дешевеет день ото дня и становится доступным каждому! Мы едва оправились после страшной катастрофы, и снова играем в те же, очень опасные игрушки! Я думаю – наступать два раза на одни и те же грабли – удел вовсе не умных людей!

Голос ее сорвался, в горле пересохло от волнения. Милена бросила быстрый взгляд на часы. Еще две минуты шоу. Никогда еще прямой эфир не казался ей таким бесконечно длинным. Сегодня она пробежала марафонскую дистанцию.

– Я обращаюсь ко всем гражданам Российской Федерации! – произнесла она. – Я, Милена Серебрякова, ведущая передачи "Кремль № 2" международного канала Си-эм-эн, призываю к тщательному и гласному расследованию случаев электронной преступности, произошедших на территории Нижнего Новгорода! До тех пор, пока преступники не будут пойманы, пока не станет ясным механизм их действий, ни одна сетевая система, и особенно открытые игровые баттлы, не могут считаться безопасными! Я вовсе не выступаю против компьютеризации. Но мы уже начинаем забывать о том, что наша техника способна работать в автономном режиме, не будучи подключенной к Интернету. Так давайте сделаем именно это – дружно отключимся от Радионета и обезопасим свои жизни на то время, пока специалисты не найдут способ сделать сети действительно безопасными!

Молчание, на несколько секунд воцарившееся в зале, прервалось громовыми аплодисментами. Все вскочили на ноги, и хлопали, хлопали, хлопали. Милена не могла отвернуться, Милена не могла сказать ни слова. Она просто стояла, прижав руки к сердцу, и смотрела на своих зрителей. Она едва сдерживала слезы.

* * *

Милена мчалась по коридору, стараясь не глядеть на встречных, прикрывая покрасневшие глаза охапкой цветов. Шоу закончилось феерически – зрители завалили ее цветами, затискали в объятиях, зацеловали до полусмерти. Даже бородастый Володя Фирсов кричал ей в ухо, стараясь переорать остальных: "Если проблемы возникнут, звоните лично мне! Мы за вас горой! Да мы им всем так вставим..."

Хорошие люди. Но... Это ее люди. Ее target-group – именно та аудитория, на кого она рассчитывала с самого начала. Нижегородцы, пережившие кошмар Вторжения. Как ко всему этому отнесутся остальные, особенно вышестоящие – только гадать можно.

Чего там гадать? Сотрут ее в порошок прямо сейчас. Нарушение корпоративной этики – не просто проступок. Это преступление. Все они заедино – масс-медиа, пиар, производители компьютеров и прочей техники, боссы Радионета. Рука руку моет. Сволочи!

Плевать. Уйти сразу, без скандалов, не дать им возможности втоптать ее в грязь. Работа ей найдется. Найдется...

Она нырнула, как в омут, в монтажную студию, кинула на свой стол цветы. Дрожащими пальцами полезла в сумочку. Косметика... Смыть ее или убежать прямо так – размалеванным страшилищем? Господи, за что такие муки?!

Она сидела, сгорбив плечи – чувствовала, что сзади нее стоят люди. Коллеги. Теперь – бывшие коллеги. Стоят и молча смотрят на нее.

– Милена, – рука легла ей на плечо. – Я хочу тебе кое-что сказать. Повернись, пожалуйста.

Она повернулась, сжав зубы. Стив. Вид такой, словно веслом по голове его угостили. Красные пятна на лице исчезли, остались только белые. Белые пятна на белом фоне.

– Милена, знаешь, кто ты? – сказал он.

– Кто?

– Сволочь. Ты – сволочь. Можно я тебя поцелую?

Милена тупо кивнула. Здоровяк Стив поднял ее со стула как пушинку, и чмокнул в губы – не взасос, нежно. Милена разрыдалась. Она висела, едва касаясь ногами пола, в медвежьих объятиях Стива, а он слегка покачивал ее – как плачущего ребенка, и шептал на ухо:

– Сволочь ты, Милена. Хороший ты человек, Милена, я очень тебя люблю. Но все равно ты сволочь...

Глава 4

Лицо Глена Кирби на экране видеофона выражало крайнюю озадаченность. Он сидел в кресле, подпирая подбородок кулаком, и рассматривал Милену, словно изучая непонятный объект, неизвестно откуда появившийся в его владениях. Решал, наверное, что делать с Миленой – убить сразу или сначала подвергнуть пыткам.

Стив неловко топтался за спиной Милены и тяжело вздыхал. Всех остальных попросили покинуть студию. Разговор намечался конфиденциальный.

– Милена, то, что вы делали сегодня, неправильно, – сказал, наконец, Кирби, прервав мучительное молчание. Говорил он по-русски, тщательно подбирая слова. – Вы сделали... как это сказать... трудную ситуацию для меня. Там, наверху, у меня есть свой chief¹, – он показал пальцем в потолок, – а у него – свой, и так далее. Но разрешать эту ситуацию нужно все равно мне здесь, в Москве. Вы имеете уверенность, что информация, которую вы говорили, правильная? Мне очень важно это знать.

– Это правильная информация, господин Кирби, – сказала Милена.

– Э-э, Милена, я же вас просил, не зовите меня господин и на фамилию. Мы же коллеги, зовите меня Глен! У нас так принято. Вы же зовете Стива Стив, а не господин Макристоферсон.

– Хорошо, Глен, – сказала Милена. – Так вот, эта информация абсолютно достоверна. Я сама разговаривала с этим мальчиком, и он рассказал мне кое-что интересное – такое, о чем я даже не могла говорить в прямом эфире. Это "кое-что" настолько неприятно, что могло бы вызвать панику. А я не хотела создавать панику – хотела только предостеречь.

– И что вы знаете еще?

– Я прошу прощения, господин... Глен, но это не телефонный разговор. Я действительно знаю многое, еще со времен вторжения банд в Нижний, но до сих пор молчала...

– Вероятно, мы скоро услышим это "многое" в эфире? – Кирби улыбнулся едва заметно. – И опять вы будете делать это со своей инициативой, неожиданно... э... не предупреждать редактора перед этим.

– Нет, такого больше не будет. Извините меня пожалуйста, Глен.

Милена покраснела, опустила глаза в пол. Только что была она королевой зала, кумиром аудитории. Только что гордо думала, что уйдет с телевидения без разборок и разносов. И вот, пожалуйста, краснеет мучительно, как девчонка, просит прощения...

– Я должен уволить вас, вы это знаете? – спросил Кирби.

– Да. Знаю.

– Теперь у нас могут возникать плохие отношения со спонсорами, которые дают нам инвестиции для наших программ. Потому что ваше выступление может уменьшить продажу многих товаров. Вы это тоже знаете?

– Догадываюсь...

– Так вот, Милена, – Кирби встал из кресла и навис над камерой видеофона, закрыв собой полмира. – Я не буду вас увольнять. И если кто-то будет хотеть вас увольнять, я буду... э-э... сражаться за вас. Я даю вам... как это сказать по-русски... Даю вам карт-бланш. Правильно?

– Правильно, – сказала Милена, хотя непонятно было, к чему это "правильно" относилось. – Спасибо, Глен. Спасибо вам огромное.

– Знаете, почему я так делаю?

– Нет, – откровенно сказала Милена. Стив за спиной возмущенно фыркнул.

¹ Шеф (англ.).

– Стив, ты меня понял, – сказал Кирби. – А вы, Милена, нет. Потому что вы думаете, что мы, американцы, приехали сюда только делать деньги. И еще вы думаете, что мы очень хотим закрывать проблемы в Нижнем Новгороде, делать вид, что их нет, что все очень хорошо. Это не так. Совсем не так. В Америке я мог бы зарабатывать денег в два раза больше, мне предлагали там хорошее место. Но я поехал сюда, в Россию, потому что здесь... как это сказать... Я люблю русских, и я хочу, чтобы в мире знали правду о них. Свобода слова – это очень важно, Милена. Очень! И поэтому я очень уважаю вас, Милена, за то, что вы делали сегодня.

– Нет, подождите, как же так? – Милена опешила. – Я считала, что это вы, руководители телевизионных каналов, перекрываете информацию. Извините...

– Не мы. – Кирби устало покачал головой. – Это не мы. Здесь очень много разных факторов и влияний... Вы с ними столкнетесь, когда будете делать эту работу дальше. Вы сами разберетесь, кто это делает. Вам будет трудно, Милена. Вам не страшно?

– Страшно, – призналась Милена. – Я вообще страшная трусиха.

– Кто вы? – удивленно переспросил Кирби.

– Funk, – перевел из-за спины Стив. – По-русски это – трусиха.

– Не думаю, что вы – funk, – улыбнулся Кирби. – Я бы сказал по-другому, что вы – plucky girl². Я дам вам большую работу и надеюсь, что вы сделаете ее очень хорошо. Желаю вам удачи...

* * *

Милена лежала в темноте, натянув одеяло до подбородка. Никак не могла заснуть – лежала и вспоминала подробности нескончаемо длинного дня.

Кирби дал ей карт-бланш, и выразилось это в довольно неожиданной форме. "Я бы хотел, чтобы вы сделали документальный фильм, в пределах двух часов, – сказал он. – Вы никогда не делали такое? Это не страшно, вам будут помогать Джорж Волски и Саша Федоров. Они хорошие мастера, у них есть международные премии... Вы покажете разговоры с жителями вашего города, сделаете видео разных разрушенных мест, найдете интересные воспоминания. И ваши комментарии, конечно, – это самое важное. Я думаю, у вас есть что сказать. Все, что вы считаете нужным. Мы, со своей стороны, финансируем этот фильм. Я свяжусь с Федоровым, он сделает смету. И ваше шоу – продолжайте его. Только очень вас прошу – советуйтесь с нами, не делайте нам больше сюрпризов"...

Стив пригласил ее на ужин в ресторан. Она отказалась, сославшись на усталость. Хороший парень Стив – белобрысый, здоровенный, забавный... Добрый. Вот Игорь не был добрым – злость и раздражительность из него так и перли. Он был законченным индивидуалистом, не пускавшим в свою личную жизнь никого. Но... Это был Игорь. Теперь он умер и его можно идеализировать до бесконечности. Плохо жить с придуманным человеком – подменять фантазией реальную жизнь. Глупо, неправильно. Но только этим и держится ее душевное равновесие – совокупностью ежедневных ритуалов, место в которых есть только для двоих – для нее и для Игоря. Вернуться домой, принять душ, в котором они так любили мыться вместе с Гошей, представить, что он снова трет ее мочалкой, намыливает ей спинку... Нет, сейчас лучше не представлять – не уснешь до утра. Представлять нужно именно в ванной. Приготовить ужин – его любимую жареную картошку с селедкой, и поставить на стол непременно бутылку холодного пива "Бочкарев" – так он любил. Поужинать, глядя в телевизор – никаких фильмов, перебиваемых чертовой рекламой, только новости. Все, как было тогда...

² Отважная девушка (разг. англ.).

Она заразилась индивидуализмом от Игоря? Да, наверное, так. До того, как он умер, она не была такой. Она была намного общительнее. Она и представить не могла, что будет находить удовольствие от полного одиночества.

Это просто психическая травма, вот что. Травму нужно пережить. И тогда все встанет на свои места.

Итак, телевизионные новости. Милена не могла оторваться. Вот оно, понеслось – на всех каналах говорилось об покушениях на жизнь детей в Нижнем, и о ней, Милене Серебряковой, тележурналистке, выставившей на свет божий сенсационные факты. И первые комментарии – смущенное лицо представителя УВД, какого-то там майора Толоконникова, объясняющего, что при случаях киднеппинга принято не разглашать информацию, что это в интересах пострадавших... Ухоженная физиономия гендиректора Росинформсетей, заявляющего о новых защитных программах, разработанных заранее, и теперь применяемых в экстренном порядке... Тупо, господа. Похоже, вы не понимаете, с кем имеете дело. Это вам не вульгарные хамеры. Здесь нужен другой подход.

После ужина Мила по привычке включила компьютер, вошла в Интернет. И вздрогнула. Сама же, дура этакая, призывала сегодня всех не пользоваться сетями! Вот долбанет ее сейчас синими вспышками!

Не долбанет. Теоретически подловить ее можно. Но она не дилетант. Она профессиональный программист – давно уже позаботилась о дополнительной защите. И, самой собой, она не станет играть в онлайн-игрушки или открывать видеофайлы. Все графические вставки и рекламные баннеры будут автоматически уничтожены фильтром. Она только посмотрит почту. Да, почту. Это безопасно.

Ого! Двести тридцать восемь новых писем. Нет, уже двести сорок... Двести сорок пять! Народ всколыхнулся. Сколько ж времени нужно, чтобы прочитать все это?

Она и не будет читать. Вся куча писем пришла на ее официальный ящик, известный всем. Ругают ее там или хвалят – какая разница? Она залезет только в небольшой ящик – личный, можно сказать, интимный, адрес которого известен только пяти самым близким друзьям. Там может быть что-то действительно интересное.

Пароль, вход. Одно письмо. "От принца Англии". Это что еще за дурь? Кто из ее приятелей шутит так тупо? Не открывать совсем, стереть? Ловушка?

Открыть обязательно – иначе любопытство замучит насмерть.

Милена поставила опцию "Показать только текст" и щелкнула мышью.

"Привет, Мила! Ты молодец! :-)

Принц Англии"

И это все?! Ни имени, ни фамилии, ни обратного адреса. Гадай вот теперь, что это за принц такой объявился. И зачем объявился? Для того, чтобы сказать ей, что она молодец? Она и так это знает.

Мила вздохнула, откинула одеяло, встала с кровати и босиком пошлепала на кухню – пить снотворное. Похоже, что заснуть без таблетки ей так и не суждено, а завтра предстоял нелегкий день.

* * *

Разыскать Ивана Бейлиса не составило особого труда – он работал в том же комплексе "НН Глобал Коннекшн", в соседней башне. Служил на телеканале "Волга", делал, как и прежде, передачу "Чудеса рядом" – об экстрасенсорике, биополях, пирамидах Майя, летающих тарелках, блюдцах, супницах и прочей тому подобной ерунде. Делал, впрочем, вполне добросовестно и интересно. Милена звякнула по видеофону, убедилась, что Бейлис на рабочем месте, и нанесла ему личный визит.

Выглядел Иван Ароныч как всегда бодро и весело до неестественности. Увидев Милку, он громко завопил и заключил ее в объятия – чуть более продолжительные и крепкие, чем просто дружеские.

– Смотрел! – кричал он. – Видел тебя в записи! Молодец, Милка! Я всегда говорил, что из тебя может получиться что-то более или менее сносное. Тебя уже выгнали, да? Переходи к нам, возьму помощницей оператора.

– Не выгнали. Даже повысили. – Мила вырвалась-таки из лап бывшего офицера-десантника, смотрела на него с некоторым подозрением. – Слушай, Иван, это не ты, случаем принц Англии?

– Чего?

– Принц Англии, говорю.

– Может, конечно, я и принц, – сказал Иван, гордо подбоченившись, – только никак уж не Англии. Среди принцев Англии евреев сроду не случалось. Это я точно знаю.

– Мне кто-то кинул письмо по мэйлу, говорит, что я – молодец. Подписался "Принц Англии"? Не знаешь, кто бы это мог быть?

– Сэр Уильям, это он, – сказал Бейлис без тени сомнения. – Кому еще быть, кроме него. Увидел по телику твои таланты и роскошные формы тела, и сразу влюбился. Он ведь еще так и не женатый, кажется? Считай, что у тебя все схвачено. На свадьбу пригласишь?

– Приглашу, – пообещала Мила и сразу же перешла к делу. – Есть интересная работа. Не хочешь посотрудничать?

– С Си-эм-эн? Почему бы и нет? Они ведь, по-моему, платят раза в три больше, чем у нас?

– Раз в пять-шесть больше. Но это не важно. Мне предлагают сделать документальный фильм о Нижнем Новгороде. Навязывают в компанию каких-то Волски и Федорова. Я думаю, ты справишься с документалистикой не хуже. Давай сделаем, а? Только здесь серьезный подход нужен, без шуточек твоих дурацких. Сам знаешь, какие проблемы у нас сейчас в городе.

– Знаю... – Иван резко сник, сдулся как камера, подцепившая гвоздь. – Н-да... Волски и Федоров, говоришь? Ты хоть знаешь, кто это такие?

– Понятия не имею.

– Деревня ты! – в сердцах произнес Бейлис. – Это ж монстры, гранды! У них всяких призов и премий больше, чем у тебя пальцев на всех руках и ногах. Они тебя сжуют и не поморщатся.

– Это мы еще посмотрим, кто кого сжует! – запальчиво сказала Милена.

– Не хорохорься. Значит так: Джорж Волски, он же Григорий Вольский, из русских эмигрантов начала века. Дворянин, стало быть. Правда, особым аристократизмом не отличается – матерщинник и редкостный циник. Ему за пятьдесят, он еще в советско-афганской войне, в восьмидесятых, репортером работал. На стороне моджахедов, само собой. Сейчас он обитает в основном в Штатах, и это означает то, что сюда его будут приглашать специально, и, соответственно, платить ему огромные бабки. Мужик он резкий, Россию особо не жалует, и, значит, фильм затеян неприятный, но правдивый. Он все потроха у местных бюрократов выпустит, но до правды докопается.

– Ну так это же хорошо, – сказала Милена подчеркнуто бодрым голосом, – правда-то нам и нужна. А второй, Федоров, он кто?

– Саша Федоров. Этот наш, бывший нижегородец. Знавал я его, пока он вверх резко не пошел. Он помоложе будет – лет тридцать ему. Эстет, постмодернист с уклоном в депрессию. Мастер работы со спецэффектами. В России его не очень-то знают, а вот на западе он в почете. Два года назад "Золотую треногу" в Монреале урвал. А в прошлом году снюхался с Волски, сняли они фильм "Мир в бумажном пакете" – о проблемах переработки мусора

в Америке. Короткометражка, на двадцать пять минут. Я смотрел... И тебе советую посмотреть. Шедевр, Милка, шедевр! Душу выворачивает! Нам с тобой никогда такого не сделать – хоть по сто миллионов баксов нам заплати. Так что... Извини. Мучайся сама с этими звёрами – мне там не место.

– Да, подкузьмил мне шеф, – сказала Милена со слезой в голосе. – А я-то, дура, загордилась – вот, мой собственный проект, всем покажу как я умею. Слушай, Иван, ну консультантом-то в проект пойдешь? Страшно мне. Ты хоть единственным родным человеком там будешь. И денег заработаешь. Деньги никогда не помешают...

– Небось, про вредность сетевых технологий снять хочешь? – мрачно спросил Бейлис. – Про всякие там баттлы – открытые и закрытые? И в прошлом начнешь копать? Поведаеть миру об убийце Ашшуре и герое-победителе Игоре Маслове?

– Да. Напрасно мы с тобой скрывали это. Никто так и не знает, кому мы обязаны спасением.

– Таки прямо и никто... – Бейлис глянул на Милу с неожиданной, немотивированной злостью.

– А что, кто-то знает?

– Не буду я говорить на эту тему, – заявил Иван. – Милка, ты знаешь, как я к тебе хорошо отношусь... Не трави душу, не вбивай между нами клинья.

– Какие клинья?! – изумилась Милена. – Да ты что, Иван! Что с тобой?

– Ничего, – сказал Иван, вышел и закрыл за собой дверь.

* * *

Что стряслось с Иваном? Какая муха его укусила? Шуточки-прибауточки, бла-бла-бла, а как только зашла речь об их общем секрете – как с цепи сорвался. Ладно, остынет, человек он отходчивый. И эти монстры-документалисты, братья Люмьеры... Надо же, попала как кур в ошип.

А может, это и к лучшему, решила Милена, когда вернулась на рабочее место. Ну, не буду я в этом проекте главной, ну, побуду девочкой на побегушках. Зато с такими людьми пообщаюсь!

– Я училась у самого Джоржа Волски, – сказала она едва слышно, выпятив для важности нижнюю губу. – Да, пожалуйста, вот его рекомендации. Саша Федоров, говорите? Да, я работала с ним, хорошо его знаю. Неплохой мастер. Могу позвонить сейчас ему, если хотите...

– Милена! – крикнул Стив из другого угла монтажной. – Ты где была? Кирби звонил, для тебя есть новости. Подойди сюда!

Опять с неба на грешную землю. "Подойди сюда!" Разве так обращаются к будущей великой ученице известных грандов? Ох, Стив Маккристоферсон, стану суперзвездой, погоняю тебя метлой по закоулкам...

– Что, Стив?

– Вот, почитай, – он сунул ей в руки пачку листов.

Буковки прыгали перед глазами Милены, и, кажется, даже двоились. Она не могла не то что понять – поверить в то, что видела. Организуется проект такой-то... Спонсоры проекта такие-то сякие-то... Выделенная общая сумма столько-то миллионов долларов, подробная финансовая смета в приложении номер два... Состав творческой группы – в приложении номер пять с бубликом... Чертовщина какая-то, зачем ей все это?

– Стив, что это такое?

– Вот, – Стив ткнул пальцем в одну из строчек. – Для тебя это – самое главное. А все остальное вытекает из этого.

"Руководитель проекта – Серебрякова Людмила Евгеньевна", – было написано там.
О БОЖЕ!!!

Это она, Милена. Как-то она уже и подзабыла, что на самом деле она Людмила Евгеньевна. Нет, это что-то совсем непонятное.

– Руководитель проекта – это что значит? – спросила она.

– Ты сейчас начнешь всё собирать, – Стив сделал загибающее движение руками.

– Что – всё?

– Ну... всё – это всё. Обычно делается не так – сначала пишется сценарий, заключаются договоры, назначается бизнес-директор. Но на этот раз проект делается быстро, Глен хочет, чтобы никто не перехватил у нас эту тему. Поэтому сейчас выделена небольшая сумма как аванс...

– Четыре миллиона баксов – небольшая сумма? – Мила вытаращила глаза.

– Небольшая, – заверил Стив. – Только на то, чтобы начать быструю подготовку проекта. И ты за эти деньги отвечаешь. Сейчас ты поедешь в наш банк, тебя там уже ждут. Тебе там скажут, как все правильно оформить. А когда все сделаешь, начинай писать сценарий...

– Нет, подожди! – Милена затрясла головой. – Я не хочу отвечать ни за какие миллионы долларов – не умею, не мое это дело. Я там все напутаю!

– А что же твое дело?

– Кино снимать!

– Успокойся. – Стив улыбнулся. – Пройдет три-четыре дня, и все станет как обычно. Появится директор, он возьмет все финансы на себя. Это все формальности, понимаешь? Но их нужно сделать быстро. Ничего сложного в этом нет. Сейчас ты поедешь в банк...

– Ты в этом что-нибудь соображаешь? – перебила его Мила.

– Соображаю.

– Может, ты это и сделаешь? Ну, Стивчик?

– Если бы я был назначен руководителем проекта – сделал бы, – сказал Стив, некоторая зависть читалась в его голосе. – Но повезло не мне, а тебе, Милена. Тебе очень повезло, а ты этого не понимаешь, глупая девушка. Ты всегда стараешься поставить все с ног на голову. Не будь такой глупой. Поезжай в банк и сделай все, что нужно.

– Ладно, поеду, – вздохнула Милена.

* * *

До сценария в этот день Милена так и не добралась. Весь день проездила между банком и телецентром – слава Богу, машину с шофером ей дали. Конечно, сделать все можно было и за полчаса – встретили ее вежливо, с улыбками, угостили кофе, дали какие-то бумаги на подпись. Мила начала читать их. После часа чтения и полусотни вопросов, заданных Миленой банковским служащим, ей намекнули, что ничего особенного здесь нет, что все оформлено в соответствии со стандартом, что репутация у банка непререкаемая, и единственное, что нужно сделать – поставить изящную загогулину, называемую подписью. Милена упорствовала в желании разобраться, и еще через полчаса запуталась в документах насмерть. Она извинилась и поехала в телецентр. Произошло непродолжительное, но громкое препирательство со Стивом, после которого Милена появилась в банковском офисе в сопровождении господина Маккристоферсона. Стив сунул нос в бумажки, потратил на их осмотр пять минут и сказал: "Все в порядке, подписывайте, Людмила Евгеньевна". Последнее сочетание из двух слов окончательно вывело Милену из себя, она с извинительной улыбкой попросила пару минут "перекурить", выволокла бедного Стива в какой-то закуток и набросилась на него как взбесившаяся фурия. Видимо, флегматичного Стива допекло, потому что он снова назвал Милену сволочью и посоветовал ей "идти на хрен". После чего спустился по лест-

нице и покинул банк. К тому времени, когда Милена кое-как привела себя в порядок в туалете и вернулась в офис, замдиректора банка уже успел позвонить в Москву Глену Кирби и осведомиться, не произошло ли непреднамеренной ошибки, и точно ли господин Кирби желает видеть в качестве руководителя проекта именно госпожу Серебрякову, которая, без сомнения, замечательная ведущая шоу, но, возможно, несколько неопытна в финансовых делах... Кирби сказал: "Только она. Уламывайте ее, как хотите". Поэтому после очередной чашки кофе в кабинете возникла дама пышных форм лет шестидесяти, выглядящая, впрочем, вполне цветуще – известная всем бизнесменам Нижнего Надежда Васильевна. Она приподняла очки, ласково поглядела на встрепанную Милену и произнесла: "Ну, милочка, какие у вас проблемы? Сейчас я вам все объясню".

Через час Милена сдалась. Когда она ставила подписи, собравшиеся вокруг клерки с трудом сдерживались, чтобы не захлопать в ладоши. В воздухе пахло валерьянкой.

"Нет, вы не подумайте, что такая стерва, – оправдывалась потом перед Надеждой Васильевной Милена. – Я просто ничего не соображаю в этом. Мне нужно было разобраться в этом, понимаете?" "Понимаю, милочка, – ласково отвечала Надежда Васильевна. – Конечно, понимаю".

На готовку ужина сил не хватило. Да и не хотелось есть – после черт знает скольких чашек крепкого кофе сердце Милы стучало как испорченный метроном, а во рту поселился металлический привкус, не выводимый никакими ментоловыми пастилками. Она выпила полбутылки пива, повалилась на кровати, попыталась посмотреть телевизор, читать книгу... Бесполезно. Все не то.

Мила подошла к компьютеру и вяло ткнула пальцем в клавишу. Компьютер включился. Почту, только посмотреть почту... Потом – принять снотворное и баиньки. Жаль, что водки выпить нельзя – не сочетается она со снотворным. А так бы грамм пятьдесят не помешало... Игорь в такой ситуации тянул бы пару стаканов. А потом валялся бы пьяно на своей половине дивана, похрапывал в стенку, дыша перегаром. Славный бухой Игорь.

Писем в официальном ящике уже полтонны, сетевой администратор ругается. Ладно, стираем все разом, нечего там читать. А вот и наш интимный e-mail box. Где тут принц Англии? Он же принц Датский. "To be or not to be" – вот в чем проблема. А также "Что делать?" и "Кто виноват?" Ну, кто виноват, это понятно. Конь в пальто. Ничего в боксе нет, принц нашел себе другую. Свадьба отменяется...

Экран моргнул и озарился синим цветом – настолько ярким, что закололо в глазах. Потом стал ослепительно-белым... Снова синим... Синие и белые вспышки чередовались в неупорядоченном, кажущемся хаотическим ритме. Рука Милены панически дернулась, попыталась щелкнуть клавишей мыши. Не получилось – пальцы не слушались ее. Закрыть глаза, скорее! Веки не опускались – словно спичками их подперли. Вот, значит, как это бывает... Сколько за нее запросят? Те миллионы, что лежат сейчас на новом счету? Миллионы... Пусть они там и останутся, а она останется здесь... Бездумный сладкий туман вползал в голову, растворял в себе мысли и желания. Это хорошо... Это сон... лучше, чем сон...

* * *

Она стояла в полумраке теплой душной пещеры. Свет, идущий из неровного проема, обрисовывал барельефы, вытесанные в камне стен – могучие воины, дикие животные, таинственные знаки. Вода тихо журчала, струясь под ногами. Милена сонно потянулась, оглянулась. Позади мрак, впереди свет. Куда идти? Во мраке ничего интересного. Она пойдет вперед – туда, где ее ждут.

Она шла по долине – полупустынной, выжженной ярким солнцем, поросшей кое-где колючим кустарником. Ее обнаженная кожа не чувствовала горячих лучей, босые ноги без-

болезненно ступали по острым камням и высохшей потрескавшейся глине. На ней не было одежды, но она не стеснялась этого. Тот, кто ждал ее, стоял неподвижно, расставив ноги и сложив руки на груди. Высокие кожаные сапоги, броня, прилегающая к телу и состоящая из бронзовых чешуй, нашитых на рубаху. Железный шлем полностью закрывал лицо.

Ассириец. Опять ассириец. Иштархаддон? Откуда он взялся здесь? И почему ей становится страшно?

– Хадди, это ты? – спросила она.

– Ты голая, – сказал человек. – Ты уже забыла, что это означает?

– Я не понимаю...

– Ты ходишь без одежд, и это значит, что ты *варду* – рабыня. Ты сбежала от хозяина, рабское отродье? Почему у тебя нет клейма? Где твой ошейник?

– Сам ты отродье! – громко сказала Мила. – Все вы, ассирийцы – кретины и дикари. Орангутанги. Тебя не Идиннаху, случаем, зовут? Знала я одного такого урода. Игорь отрубил ему башку.

– Я покажу тебе свое лицо, – сказал он. – Наслаждайся.

Он снял шлем одним движением и кинул его в сторону. Шлем растворился в воздухе, не успев долететь до земли.

Милене захотелось зажмуриться. Гладкая физиономия, монотонно розовая, с топорными чертами лица – будто нарисованная художником-примитивистом. Немигающие ярко-синие глазки. Лопухастые уши, торчащие в стороны. И ни волосинки на черепе.

– Ты не похож я на ассирийца, – заявила Мила. – Ты вообще ни на что приличное не похож. Откуда у тебя ассирийская одежда?

– Это твое личное желание. Ты помешана на ассирийцах, девочка, и поэтому представила меня себе в таком виде. Я бы не возражал против обычного спортивного костюма. Так мне привычнее.

– Откуда ты знаешь о варду?

– Это ты о них знаешь. То, о чем ты думаешь, сразу становится мне доступным.

– Ты морочишь мне голову. Кто ты вообще такой? Откуда ты здесь взялся?

– Оттуда же, откуда и ты. Из реальности. Только мы с тобой в неравном положении, девочка. Твое тело лежит в глубокой коме и пускает последние слюни в своей жизни. А я жив и здоров. Вот, разговариваю с тобой, хотя мог бы убить сразу. Даю тебе последнюю возможность высказаться.

– С теми детишками, над которыми ты измывался, ты тоже разговаривал?

– Нет. Не о чем с ними разговаривать. Они примитивны, все их желания сводятся к одному – играть. С ними просто – включил диск с игрой, поставил его на бесконечный повтор, и лежи себе, отдыхай, жди, пока родители переведут бабки. Люди вообще примитивны в своей массе.

– А ты не примитивен?

– Я не человек.

– Кто же ты?

– Я – высшее существо.

– Человек ты, – убежденно сказала Милена, – человечешка, причем, судя по всему, довольно дрянной. Любите вы, ничтожества с манией величия, говорить красивые слова: "Я – великий мессия, посланник Бога, да и сам, кстати, по совместительству Бог, да вострепещут предо мною низшие примитивные твари, да отдадут мне все свои бабки!" Вот что вас на самом деле интересует – деньги! Все остальное – словесная шелуха. Мне-то мозги не пудри. Видела я одного такого. Ашшуром его звали. Не знаком?

– Тебя я убью не ради денег, – произнес розовый тип. – Впрочем, для тебя это уже не имеет значения...

Он выкинул руку вперед молниеносным движением, схватил Милену за волосы и поднял ее. В другой его руке появился длинный кривой нож. Милена визжала, дрыгала ногами и царапалась. Ногти ее ломались о кожу монстра, оказавшуюся сродни толстой резине. Синие глаза голема рассматривали ее с интересом.

– А ты ничего, девочка, – сказал розовый. – Фигурка у тебя хорошая – ножки, сиськи, попка и все такое... Шейпингом занимаешься, в форме себя держишь? Для кого? Ты же одна живешь, дурочка. Захочу вот сейчас – приду в твою квартиру, сломаю твою дохлую дверь и трахну тебя, настоящую, перед тем как убить.

– Трахни! – завопила Милка. – Ну, трахни! Слабо? Нечем тебе трахать, импотент несчастный. У тебя там вместо члена резиновая трубка, да?

– Шустрая ты, наглая! – констатировал Розовый. – Прыти в тебе – немерено. Только вот так и не поняла, против кого поперла. И не поймешь уже...

Жуткой силы удар сбил с ног розового урода, и Милену вместе с ним. Кувыркаясь, она покатила по земле. А когда вскочила, то обнаружила, что появился еще один тип. Приземистый, плотный, бугристый, темно-серого цвета. Непомерно длинные руки его свисали до земли и заканчивались огромными кулаками. Он напоминал негритянского боксера-тяжеловеса, вылепленного из пластилина.

Розовый медленно поднимался на ноги, синие глазки его округлились, лицо выражало удивление, насколько оно вообще могло что-то выражать. Негр-боксер пританцовывал с ноги на ногу.

– Эй, ты кто? – изумленно спросил розовый. – Ты Флекс, ты что ли? Ну и юнита ты себе забацал – во сне увидишь, не проснешься. Кончай шутить. Не видишь, делом занимаюсь.

– Вижу, что делом, – прочмокал негр толстыми губами. – Только дело мне твое не нравится. Катись отсюда, сопляк, а девчонку оставь мне. Она моя. Еще раз за таким делом поймаю – убью без разговоров.

– Не понял... – Розовый на глазах распухал, обрастая гипертрофированными культуристскими мышцами. Нет, ты в натуре, откуда здесь взялся? Ты что, креатор? Ты из «Птицеловов»?

– Сам ты креатор! – рявкнул негр и бросился на розового.

Розовый не растерялся, эффектно рассек воздух неведь откуда взявшимися мечами и обрушил их на противника. Вылетел сноп искр – кожа серого оказалась прочнее камня. Мечи переломились пополам, обломки их со звоном попадали на землю. Боксер свалил розового ударом чудовищного кулака, и прыгнул обеими ногами на его грудную клетку. Розовый заорал – настоящая, не виртуальная боль фонтанировала в этом диком вопле. Негр встал на колени, и зажал шею розового в борцовском захвате.

– Что, придурак, больно? – спросил он.

– Больно... – прохрипел розовый. – Больно, отпусти, сука! Как ты это делаешь?

– А вот так, – сказал негр и с хрустом свернул шею противника.

Милена стояла оцепенело, моргала, не веря глазам своим. Труп розового таял в воздухе.

– Много вас тут таких? – спросила она.

– Каких?

– Таких, как ты и этот розовый свин?

– Я не такой, – сообщил негр. – Я не из этой оперы. У меня никак не получалось забраться в пространство «Упырей». Наконец получилось, и, кажется, вовремя. Я спас тебя, моя принцесса.

– Подожди-ка... – Мила, кажется, начала догадываться. – Ты, случайно, не Принц Англии?

– Он самый, – пластилиновый негр осклабился. – Я твой поклонник, Милена.

– Что-то ты не похож на принца, – заметила Мила.

– Как не похож? Очень похож, – заявил негр. На голове его появилась кривая корона – золотая, но каким-то образом все же пластилиновая. – Так лучше?

– Ничего, пойдет. И что же ты сейчас будешь делать? Потасишь меня в свое логово?

– Верну тебя в твою квартиру, – сказал негр. – Извини, если будет больно...

И сходу, без предупреждения, ударил Милену кулачищем в глаз.

Глава 5

Милена очухалась перед выключенным компьютером. Голова раскалывалась от боли. Мила попыталась встать, но ноги подкосились и она с криком упала на колени – успела-таки схватиться за край стола, не рухнуть на пол.

Черт, что они с ней сделали, эти гады? И кто они такие?

Понятно, кто такие. Милена медленно, сантиметр за сантиметром, поднялась. Любое движение отзывалось стреляющей болью – словно пуля носилась в черепной коробке, ricochetируя от лба к затылку и обратно. Понятно, кто они. Ее догадки подтверждаются. Креаторы это. Дело Ашшура не пропало. Похоже, что из искры возгорается пламя. Только кто будет его тушить?

Креаторы – этикие "газонокосильщики", вытворяющие в сетях и компьютерах все, что им захочется. А хочется им, понятно, денег. И всех удовольствий, которые на эти деньги можно купить.

Мила осторожно водрузила непослушное тело в кресло. Перебирая ногами, покатила на кухню. Хорошая все-таки штука – кресло на колесиках. Особенно, если собственные ноги не подчиняются. Ладно, ей еще повезло – могла бы стать полным инвалидом. Или даже отправиться на тот свет. Повезло. Принц Англии спас.

Мила усмехнулась. Забавный он, этот Принц. Интересно, как он выглядит на самом деле? И почему так обиделся, когда его называли креатором? Ведь и сам он, похоже, из них. Иначе как он может вытворять такие штуки?

Милена добралась до кухни, открыла шкафчик, достала коробку с лекарствами, перевернула вверх дном и вытряхнула содержимое на стол. Баночки-скляночки покатались на пол, что-то там разбилось. Наплевать. Сейчас ей не до этого, разберется потом. Ей срочно нужна живая вода.

Мила налила в воды из крана, едва удерживая чашку дрожащей рукой. Зубами содрала крышку от баночки с симералганом³ и кинула в воду сразу две таблетки. Едва дождалась, когда лекарство растворится, изойдет шипучим газом. И припала к краю чашки со стоном, с болезненным наслаждением.

Закрывать глаза, очутиться в темноте. Слушать, как с глухим стуком лупят молотки в висках. Слышать, как стук их становится все тише. Тише... Еще тише. Хвала фармацевтам, живую воду приносящим...

Итак: невероятно, но креаторы существуют и здравствуют. Судя по репликам Розового, существует несколько банд, рыскающих по сетям и пакостящих там. Скорее всего они конкурируют между собой. Сразу же возникает главный вопрос – откуда они взялись, эти креаторы, к тому же в таком количестве?

Комбинацию световых вспышек, превращающую обычного человека в креатора, изобрел Ашшур, он же Василий Николаевич. Он опробовал ее на себе и стал креатором номер один в этом мире. Потом он проводил масштабные нелегальные эксперименты – создал в России систему клоузнет-клубов и опробовал свое сочетание вспышек на каждом из их участников. И еще он утверждал, что единственным, кто отреагировал на кодировочный сигнал, и, соответственно, стал креатором, был Игорь Маслов.

Похоже, что Ашшур ошибался. Вряд ли он смог отследить всех, кого обработал своими вспышками. Не под силу ему было такое, каким бы могущественным он ни был. И вот

³ Название лекарства придумано автором, дабы избежать каких-либо обвинений в рекламе известных фармакологических препаратов.

теперешняя ситуация: Ашшур мертв, его убил Игорь. Игорь умер, покончил с собой. А креаторы существуют.

Конечно, нынешние креаторы – мелочь по сравнению с Игорем и Ашшуром. Они занимаются вымоганием денег и не строят планы завоевания мира. Пока не строят... Но кто знает, что будет в дальнейшем, когда они по-настоящему осознают свои возможности? Завоевание мира – вариант, конечно, крайний, шизофренический. Для того, чтобы додуматься до такого, нужно чтобы мозги сильно съехали набекрень – как, например, у Ашшура. Нынешние же креаторы создают впечатление весьма прагматичное, приземленное. Им бы бабок надыбать, хорошенькую девчонку отодрать. Скоты... И таким скотам в блудливые руки – дар креатора! Ничего хорошего не будет – это точно.

Мила открыла глаза. Голова болит, но уже можно терпеть. И руки-ноги не так дрожат. Так или иначе, первую атаку она выдержала, и сделает все, чтобы второй не было. Больше она в эту ловушку не попадется. Никаких больше онлайн-ов, никакого Радионета. Более того – никаких компьютеров. Ясно, что никакая защита перед креаторами не устоит. Там, где есть компьютер, они – боги. Ну и черт с ними, с этими богами. Человек миллионы лет существовал без умных машинок, и сейчас прекрасно без них просуществует. Писать сценарий будем на обычной бумаге, вульгарной шариковой ручкой. Общаться – по обычному телефону, благо, никто его еще не отменял. Вот прямо сейчас и позвоним...

Милена так и не встала с кресла, но катилась уже гораздо быстрее, увереннее – пожалуй, даже с некоторой лихостью. Заложив не лишенный изящества пируэт, она остановилась перед зеркалом в прихожей. И обмерла.

Боже мой! Это что еще за ужас?! Из зеркала на Милену смотрело оплывшее бледное лицо, украшенное огромным синяком под левым глазом. Милена дотронулась до фингала пальцем. Больно!

Вот тебе и Принц Англии! Хорош поклонничек нашелся, нечего сказать. Не нашел другого способа вывести ее из комы, кроме как засветить ей в глаз! Правда, это произошло в виртуале, но кто теперь, после нового появления креаторов, разберет, где виртуалка, а где реальность объективная, данная нам, так сказать, в ощущениях. Ощущения – они и есть ощущения, и попробуй различи, настоящие они или индуцированные какой-нибудь креаторской сволочью. Вот он, фиолетовый фонарь под глазом – более настоящего и представить себе нельзя. Как теперь она предстанет перед мудрыми очами Глена Кирби, что скажет Стиву, и без того на нее жутко обозленному? Что ее ударил Принц Англии, появившийся в виде пластилинового негра-боксера с нелепой короной на голове? Ха-ха, самой смешно.

Она сняла со стены трубку телефона, набрала номер. Дозвонилась до Стива, назвала его милым Маккристоферчиком, извинилась за вчерашнее, наплела какой-то ласковой чепухи. Она не могла видеть лицо Стива, но чувствовала, как он оттаивает и начинает улыбаться. Милый Стив... Ну почему она не может ответить ему взаимностью? Тогда все было бы так просто...

– Сегодня на работу не приду, – сказала она напоследок. – Буду сидеть дома и работать над сценарием. О'кей?

– О'кей, – сказал Стив.

* * *

Ура!!! Наконец-то у нее есть возможность полежать, очухаться. Добраться до сценария.

Какой, к черту, сценарий? Она еле жива. С ней произошло такое, после чего нормальному человеку положено неделю мочиться под себя, еще две недели шарахаться от любой тени и пить успокоительное, и еще месяц – заикаться. Почему у нее не депрессивное настро-

ение? Почему она раскатывает по квартире, кружится в кресле, как балерина-инвалид на пенсии и имеет выражение лица не перепуганное, а воодушевленное?

Потому что она вздрючит этих подонков. Они даже не подозревают, на какую засаду нарвались, на какую мину наступили. Милена Серебрякова – единственный человек в мире, знающий о креаторах то, что они сами о себе не знают. Она уже прошла через этот ад один раз и успокоилась – решила, что преисподняя отпустила ее, сожрав Игоря. Увы, в этом мире быстро кончается только хорошее. Ладно, увидим, чья возьмет на этот раз.

Тогда, в прошлый раз, она не была главным игроком. В сущности, тогда был только один игрок, знающий правила, и потому самоуверенный до наглости – Ашшур. Самоуверенность его и подвела. Небольшая команда, состоящая из Игоря, Иштархаддона, Милы и Ивана Бейлиса, сумела-таки оттяпать Ашшуру голову – не виртуально, а вполне реально, с вытекающим отсюда смертельным исходом. Теперь ситуация радикально изменилась. Креаторов уже несколько. А команда Милены состоит только из нее самой. Негусто...

Нет, нет, так не пойдет. Если судить с этой точки зрения, ей не на что рассчитывать – самое время залезть под стол и притвориться домашней тапочкой. На самом же деле все обстоит не так уж и плохо. В чем было преимущество Ашшура? Он использовал то, что неосознанно создал Игорь – Слепые пятна. Только таким образом Ашшур сумел осуществить свое Вторжение с миллионами оживленных юнитов. Едва Ашшура отключили от электричества, он остался тем, кем, в сущности, и был – тощим мозговитым ублюдком. Игорь же был уникальным суперкреатором, способным проецировать без посредства компьютера. Есть ли у этих, нынешних, выскочек Игорь? Нет. Значит, они полностью привязаны к компьютерам и сетям. Может ли человек существовать без всей этой электронной приبلуды? Еще как может! Вот вам, пожалуйста, первое слабое место противников Милены.

Едем дальше. Ашшуру помогала секретность, окружающая закрытые сетевые баттлы. Та же самая Милена, работавшая в одном из нижегородских клоузнетов, представить себе не могла, что обратится в прессу и предаст гласности то, что система уже несколько недель вышла из-под контроля и вытворяет нечто неопишное. Гласность – вот то, что необходимо теперь. Все должны знать, что существует возможность контролировать сетевые импульсы посредством импульсов мозга. И Милена уже сделала первые шаги по пути к гласности. Волски и Федоров – они и станут ее командой.

Она расскажет людям все о том, что произошло год назад. Она предостережет от того, что может произойти теперь, если позволить креаторам безнаказанно резвиться в сетях. А мастера документалистики Джорж Волски и Саша Федоров облекут ее мысли в форму фильма. Им будет, чем заняться – никогда еще в их руки не попадал столь сенсационный материал. "Мир в бумажном пакете", значит? Проблемы переработки мусора в Америке, говорите? Вот вам наш, российский мусор, дрянь из дряни. Перерабатывайте.

Мила взяла из пачки два чистых белых листа, положила между ними копирку – нужно сразу сделать второй экземпляр, а потом надежно спрятать его. И принялась за работу.

Через час звонок в дверь отвлек ее. Мила с досадой спрятала написанное в ящик стола, поднялась на ноги (не в каталке же встречать непрошеного гостя) и поплелась к двери.

* * *

Мужчина сидел на диване, положив ногу на ногу и вяло разглядывал Милену. Судя по всему, постепенно приходил к выводу, что в домашней обстановке телезвезды не совсем соответствуют своему роскошному экранному образу.

– Скажите пожалуйста, Людмила Евгеньевна, – спросил он, – этот ваш свежий синячок как-нибудь связан с последними событиями – нападением на подростков, вашим выступлением по телевидению?

– Милена, а не Людмила, – раздраженно поправила девушка. – Фингал-то? Еще как связан! – Она снова дотронулась до синяка, кое-как замазанного тональным кремом, и снова поморщилась от боли. – На этот раз пришла моя очередь. На меня напали.

– Как они это сделали? Ворвались в квартиру?

– Из компьютера. Так же, как нападали на детишек.

– Откуда же тогда синяк? Вы ударились обо что-нибудь?

– Ударилась. Об кулак.

– Но ведь, насколько мы знаем, эти преступники используют только сочетания цветочных вспышек.

– Много там чего у них есть... – пробормотала Мила. – Вы только насчет фингала пришли узнать?

– Ну почему же? Нас интересует всё.

– Всё?

– Всё, что связано с событиями годовой давности. И с нынешними событиями тоже.

Мужчина представился Павлом Сергеевичем Шабалиным, сотрудником Федеральной службы безопасности. И документы соответствующие показал, поэтому пришлось пустить его в квартиру, посадить на диван и даже предложить кофе. От кофе, впрочем, Павел Сергеевич отказался. На вид Шабалину было сорок с небольшим, мужчиной он был худощавым, ниже среднего роста, с весьма стандартным среднероссийским лицом. Его маленькие серые глазки смотрели сонно – похоже, их хозяин не успел отоспаться перед выходом на государственную службу. Попахивало от Павла Сергеевича отнюдь не дорогим одеколоном, но явным перегарчиком. Словом, не было в Павле Сергеевиче ничего такого, что выдавало бы в нем сотрудника спецслужбы, должного отличаться цепким въедливым взглядом, крепостью физического сложения и неуловимой грацией движений. На улице Милена не обратила бы на такого мужчинку ни малейшего внимания.

– Пожалуй, начну с личности гражданина Селешука, – сказал Шабалин. – Что вы можете сказать о нем, Милена?

– Ничего. Кто это такой?

– Селешук Василий Николаевич. Он был владельцем нижегородской сети клоузнет-клубов.

– А, так это же Ашшур! – поняла Милена. – Редкостным гадом был этот ваш Селешук. Между прочим, он все это и затеял – Слепые пятна, Вторжение в Нижний и другие города...

Милена осеклась. Что же это получается – сейчас она выложит этому тусклому типичику все, что знает, и эксклюзивность сценария пойдет коту под хвост. А может быть и еще хуже – наложат запрет на всю эту информацию – мол, государственная тайна. Нет, так дело не пойдет.

– В общем-то, я ничего особого обо всем этом и не помню, – промямлила она. – Знаю, что вся эта история была связана с клоузнетами, но об этом и так всем известно. Что вам еще сказать? Пожалуй, больше сказать нечего.

Она изобразила улыбку милой идиотки.

– А вот такое слово – "креатор". Оно вам что-нибудь говорит?

– Креатор... – Мила сделала вид, что призадумалась. – Это то же самое, что "криэйтор", да?

– Пишется одинаково, – терпеливо разъяснил Павел Сергеевич, – но читается по-разному. Криэйтор – это из области рекламной деятельности и пиара. А креатор, или, в переводе на русский, "создатель", – это термин, введенный Селешуком. Он имеет отношение к паранормальным способностям человеческой психики. Креатор – это человек, способный при помощи компьютерной техники превращать виртуальные образы в материализованные.

– А вы эрудированный, – заметила Милка, – слова всякие умные знаете...

– Милена, перестаньте валять дурака, – сказал Шабалин. Нечто, отдаленно напоминающее раздражение, наконец-то оживило его снулую физиономию. – Нам прекрасно известно о вашем непосредственном участии в нижегородских событиях прошлого года. И вот сейчас... Сейчас снова начинается то же самое. Неужели вы думаете, что мы сидим сложа руки и ждем, когда случится непоправимое? Мы работаем, Милена. И нам нужна ваша помощь. Очень нужна! А вы разыгрываете тут, что ничего не знаете и не понимаете.

– Где же вы раньше были? Почему до сих пор ко мне не обращались?

– Это было ни к чему. Все, что вы могли бы нам рассказать, мы узнали без вас. И эти материалы получили секретный допуск. Полностью секретный.

– Вот именно! – зло прошипела Милена. – Вы засекретили все, что связано с этим делом. Все, что нужно и не нужно. На поверхность выплыл только запрет клоузнетов. Но никто из обычных людей так и не узнал, что произошло на самом деле. По-вашему, люди, пережившие такую трагедию, потерявшие свои семьи, не заслужили правды? Они слишком тупы, они могут впасть в панику, если узнают, что их могут ограбить или даже убить при помощи обычного компьютера? Вы надеялись, что со смертью Ашшура наступит мир и покой на веки вечные?

– Мы прогнозировали, что все это закончится, – сказал Шабалин. – Мы тщательно изучили все попавшие к нам материалы, мы провели в Радионете скрытое тестирование, позволяющее выявить пользователей со способностями креатора. Результаты получились самые обнадеживающие. Мы пришли к выводу, что паранормальные способности Василия Селешука были уникальны, существовали, можно выразиться, в единственном экземпляре. И то, что сейчас появились новые креаторы, стало для нас сюрпризом. Очень неприятным сюрпризом.

Мысли Милены металась хаотично, как молекулы в броуновском движении, она никак не могла уцепить самое важное, выловить самое важное в том, что только что услышала. Селешук... способности креатора... в единственном экземпляре... Вот оно! Конечно, они знают об участии Игоря, не могут не знать. Неужели они не подозревают о том, что он тоже был креатором?!

– Я хотела бы знать, откуда у вас вся эта информация, – заявила она. – Мне действительно кое-что известно, но... Не загоняйте меня в угол. Давайте так: вы – мне, я – вам.

– О нашем источнике информации я говорить не уполномочен, – сухо сказал Шабалин.

– Это Иван Бейлис? Он сам не свой стал в последнее время. Это вы его так запугали?

– Извините... На эту тему я не могу говорить.

– Это Бейлис, – уверено сказала Мила. – Я попала в точку. Да?

– Еще раз вам повторяю, что это не в моей компетенции...

– Тогда разговор закончен! Всё! И предупреждаю – не вздумайте применять ко мне незаконные методы воздействия! Я работаю в международной компании, и об этом сразу же станет известно всему миру...

– Ладно, сдаюсь, – со вздохом сказал Шабалин. – Наш источник информации – это Иван Аронович Бейлис. Теперь вы удовлетворены?

– Как вы его скрутили? Мужик он крепкий, так просто его не расколешь. Пригрозили уголовной ответственностью? Пытали на дыбе в подвалах Лубянки?

– Ну зачем же? – Павел Сергеевич усмехнулся. – Обошлось без грубых методов. Воззвали к чести и гражданской ответственности офицера. Этого оказалось достаточно. Иван Аронович, если вы не в курсе, у нас великорусский патриот...

– В курсе я, в курсе. А меня как убеждать будете? С ответственностью у меня дело слабо обстоит. Насчет чести... ну, скажем так, она у меня есть, но наверное, не совсем такая, какая вам нужна.

– Я уже понял, что вам нужно, – заявил Шабалин. – Вы журналист, для вас самая большая ценность – это информация. Готов поделиться с вами – в рамках дозволенного, конечно.

– Давайте, выкладывайте, что вам там дозволено. Записывать можно?

– Нет. Так запомните. Что бы вы хотели узнать?

– Что вы узнали от Вани Бейлиса? Что он вам рассказал?

– О том, как произошло обезвреживание Селешука.

– Зачем вам это? Вы и так это знаете.

– Хочу услышать еще раз. – Милка устроилась в кресле поудобнее. – Рассказывайте, господин офицер.

Нет, надо же, какая она крутая! Разводит мямлю-фээсбэшника по полной программе – и ничего, отвечает как миленький. Жаль, записать это не получится. "Милена Серебрякова – укротительница спецслужб". Классно вписалось бы в будущий фильм!

– Бейлис дал показания, что вы, Милена, и Игорь Маслов познакомились с ним в эвакупункте на территории больницы имени Семашко. Маслов сам подошел к нему, сказал, что знает человека, который, якобы, является организатором террористических действий в Нижнем Новгороде. И предложил участвовать в его ликвидации. Вернее, ликвидировать его должен был сам Маслов, а Бейлису он предложил только документально снимать все на видеокамеру. Как сказал Бейлис: "Чтобы потом оправдаться перед судом легче было". Тут, конечно, вы неправильно поступили, потому что если у Маслова какая-то правильная информация была, то надо было обратиться в соответствующие органы, и преступника обезвредили бы без вас, с применением группы захвата и соблюдением процессуальных норм...

Ну вот, занудство поперло.

– Ага, – Мила кивнула. – А что дальше было?

– Бейлис согласился. Потом вы доехали до Киселихи, где находился коттедж Василия Селешука, которого Бейлис называет кличкой "Ашшур". По словам Бейлиса, Селешук сам впустил вас, потому что испугался, что вы нанесете ему материальный ущерб в виде сломанной парадной двери. Так это было?

– Так, – согласилась Милена.

Хм... Интересно... Ни слова об угнанном джипе и жестоко избитых при этом Игорем шести мужиках – пусть и "быках", но все равно полноправных граждан России. Ничего о том, что, собственно говоря, выглядело все это не как коттедж, а как ассирийская многоступенчатая пирамида. И вообще ни звука о таране ворот и о том, что джип пришел после этого в полную негодность. Шабалин об этом не знает или Ваня намеренно умолчал? Хотелось бы верить в последнее.

– А затем Селешук пустил в действие свои способности креатора, – Шабалин продолжал бубнить как по бумажке. – Он материализовал нескольких виртуальных воинов и заставил их вступить в борьбу с Масловым. В это время Бейлис, действуя по заранее намеченному плану, добрался до генераторов, вырабатывающих электроэнергию и находящихся в подвале, и вывел их из строя. При этом он имел столкновение с сотрудниками частной охраны и был ранен, что документально подтверждено показаниями охранников. Оставшись без поддержки электронной аппаратуры, гражданин Селешук лишился возможности использовать свои паранормальные способности и напал на гражданина Маслова, будучи вооруженным автоматическим огнестрельным оружием импортного производства. В ходе завязавшейся борьбы Игорь Михайлович Маслов произвел удар длинноклинковым холодным оружием типа "меч", после чего наступила смерть гражданина Селешука В.Н. После этого была проведена попытка взрыва помещения, осуществленная при помощи гранатомета, и вышеозначенные Маслов, Бейлис и Серебрякова покинули место происшествия.

– Вы что, все это наизусть выучили? – озадаченно спросила Мила. – Это не живой язык, это какая-то канцелярщина.

– Да. Тем более, что я этот отчет и писал. Думаете, интересно излагать его в сотый раз? Сами бы вот попробовали.

Вот, значит, как оно на самом деле было. Ай да Ваня, ай да сукин сын, в смысле умница. Выключили свет – напали – убили. Никаких глобальных сражений, никаких магов и евнухов. Как все просто! Хорошо бы всю эту чушь запомнить, чтоб потом не путаться.

– А что значит "попытка взрыва помещения"? – спросила Милена. – Там что, не все взорвалось?

– Не все. Мы прибыли на место через час после инцидента. Кое-что там, конечно, обгорело, но охранники быстро все потушили. С пожаробезопасностью в коттедже все было на уровне.

– А аппаратура Селешука... – у Милы перехватило дыхание. – Она взорвалась?

– Что-то взорвалось, кое-то осталось. Все, что можно было вывезти, мы вывезли для дальнейшего изучения.

– Значит, вы теперь сами можете...

– Ничего мы не можем, – сказал Шабалин. – Техника, конечно, у него там хорошая была, дорогая, но в то же время – ничего необычного. Вы же сами понимаете прекрасно, что дело было не в технике, а в способностях этого Селешука. Вот записи нам его кое-какие достались – это, само собой поинтереснее будет.

– И что там, в записях? – глаза Милены загорелись.

– Сказать? – Шабалин лукаво прищурился.

– Сказать!

– Мы с вами как договаривались? Баш на баш – я вам информацию, вы мне.

– Нет, ну скажите, что там было! А потом я вам.

– Если не хотите отвечать, то на сегодня все, – сказал Павел Сергеевич и снова принял сонный вид.

– Нет, подождите...

– Жду одну минуту, – Павел Сергеевич посмотрел на часы. – У меня на сегодня еще много дел.

Вот, значит, как. Пока Мила восхищалась собственной крутизной, фээсбэшник вяло кинул ей наживку и она села на крючок – с энтузиазмом, по самые жабры. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

– Спрашивайте, – сказала Мила.

– Вы давно не видели Игоря Михайловича Маслова?

– Давненько. Месяцев шесть.

– Вы не замечали за ним никаких странностей?

– Странностей у Игоря более чем достаточно. Что вы имеете в виду?

– Перспективный молодой ученый, почти уже дописавший кандидатскую диссертацию, бросает университет и становится предпринимателем...

– Он не предприниматель, он спортсмен. Бодибилдингом занимается, – уточнила Милена.

– Это и есть предпринимательство, – сказал Шабалин. – Маслов – владелец сети спортивных залов, дилер нескольких крупных фирм, выпускающих спортивное снаряжение. Он – бизнесмен, причем очень удачливый. Можно сказать, талантливый бизнесмен. Только вот откуда этот талант взялся? До инцидента с вторжением варваров он такими талантами не блистал, был обычным кабинетным историком, знал только свою узкую область. Чем он там занимался, Ассирией, кажется?

– Ага. Ассирией.

– Интересная личность этот Маслов, весьма интересная... – Павел Сергеевич покачал головой. – Он убил гражданина Селешука. Знаете, что это означает? Если не знаете, то я вам

скажу – это статья уголовного комплекса РФ. Серьезная статья. На Маслова должно быть заведено уголовное дело. Должно быть... Но не заведено. Повезло вашему Игорю.

– И почему же дело не заведено?

– А по причине все той же секретности. Все, что связано с известными вам событиями, передано в нашу исключительную компетенцию. Открытое уголовное расследование не входило в наши интересы. И, само собой, мы рассчитывали на тесное сотрудничество с Масловым. Он должен был понимать, что в такой ситуации выбирать не приходится. Однако... – Шабалин удрученно развел руками, – Ничего у нас не получилось. Игорь Михайлович Маслов с нами сотрудничать не хочет.

– Как не хочет? – Мила растерялась. – И что, вы ничего с ним сделать не можете? У вас же там целый арсенал всяких средств воздействия.

– Пытались мы воздействовать на него, – признался Шабалин. – Сами понимаете, предпринимательство – дело рискованное, всегда можно прицепиться к чему-нибудь. Мы не хотели пугать его раньше времени и говорить, что нас интересует именно история с Селешуком. Мы нашли зацепочку, вызвали Маслова для дачи показаний – якобы в отдел по борьбе с экономическими преступлениями, а на самом деле в нашу контору. Потом мы опутали его датчиками и проводами и основательно протестировали – прогнали через всю нашу умную аппаратуру. Маслов не возражал – хотя, кстати, имел полное право отказаться. В том, что касается юридических прав, Маслов на удивление безграмотен...

– Почему вы мне это рассказываете? – терпение Милены лопнуло. – Только что вы требовали, чтобы я отвечала на ваши вопросы, а теперь вдруг сами начинаете выкладывать секретную информацию. Не понимаю я вашей игры. Я же журналист! А вы – представитель спецслужбы, который должен уметь держать язык за зубами. Я вот возьму и расскажу сегодня же всему миру о ваших грязных методах работы! Да это же такой скандал будет!

– Только не надо резких движений! – скривился Шабалин. – Грязные, чистые... Не вам об этом судить. Мы, если хотите знать, повели себя в этой ситуации очень благородно. И вы, и Маслов, и Бейлис до сих пор на свободе, хотя давно могли бы находиться под следствием. Вы даже не узнали бы никогда о нашей заинтересованности, если бы эти креаторы снова не объявились. А теперь паленым запахло – понимаете, Милена? Новым вооруженным конфликтом! Действовать нам нужно! И нам нужно ваше сотрудничество! Не знаю, что вы там называете словом "игра" – для вас, журналистов, вся жизнь – игрушки-бирюльки. А для нас это серьезная работа, ЧП, если хотите! И поэтому то, что я считаю нужным, я вам расскажу так или иначе. А вы, госпожа Серебрякова, не вздумайте написать об этом в прессу. Потому что на вас уже начали охоту эти самые преступники-креаторы. Вас пока не убили, извините, только по счастливой случайности. И защитить вас можем только мы, государственные органы. Вы все поняли?

– Поняла, – пробормотала Мила.

– Теперь вернемся к Игорю Маслову, – сказал Шабалин, остывая после своего кавалерийского наскока. – Такое впечатление, что это – не тот человек. Не Игорь Маслов. Тестирование показало, что он ничего не знает о всемирной истории – не то что забыл, а и не знал никогда. Впечатление, что он не то что институт с аспирантурой, даже школу не заканчивал. Из-за безграмотности у него довольно низкий интеллектуальный коэффициент – IQ где-то около 80, но это с лихвой компенсируется интуитивными и логическими способностями. Я думаю, что его предпринимательские успехи идут именно отсюда. Но самая большая для нас неприятность – нулевая гипнабельность. То, что он не хочет нам сказать, нельзя вытащить никакими клещами, даже при помощи глубокого гипноза. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Это случилось после аварии на транскомпе, – сказала Мила. – Помните, была авария на центральном узле МУП «Водоканал»? Игорь попал под атаку Ашшура, или как его там...

Селешука. Три дня он пролежал без сознания, а когда очнулся, позабыл многое. Ему здорово досталось. Бедный Игоречек. Наверное, и его негипнабельность оттуда же.

– Вы любите его?

– Да, – сказала Милена и опустила голову. В глазах ее защипало.

– До сих пор любите?

– Да.

– Почему же вы с ним не общаетесь? Он не отвечает вам взаимностью? – Шабалин деликатно кашлянул в кулак. – Простите меня, Милена, но... Мне действительно нужно знать это.

"Это не Игорь, это Иштархаддон, – едва не вырвалось у Милы. – Игорь умер".

Не вырвалось.

"Я – ценный объект исследования, – вспомнила она слова Игоря. – Передадут меня в какое-нибудь закрытое учреждение. И лет сто будут изучать – что я такое из себя представляю и можно ли как-нибудь использовать меня на благо страны в качестве боевой единицы. Это в мои планы не входит"...

Игоря больше не было. Но то, о чем он говорил, могло относиться не только к нему. Роль подопытной свинки угрожала сейчас всем троим, выжившим в той кровавой каше – и Иштархаддону, и Ивану, и, конечно, ей, Милене.

Изворачиваться до последнего. И ни слова о том, что Игорь был креатором.

– Я люблю того Игоря, который был до всей этой истории, – сказала Мила. – Вы правы, он сильно изменился. Этого, теперешнего Игоря я не люблю. Он хороший, но не мой. Он пытался сделать все, что мог, чтобы я полюбила его, но я... Я не смогла. Я понимаю, что это глупо, но я лучше буду жить воспоминаниями о прежнем. Может быть, когда-нибудь эта болезнь пройдет.

– Понятно... – Шабалин проснулся уже окончательно, ничем не напоминая того, сонного с бодуна спецслужбиста. И взгляд у него острый появился, и грация в повороте головы. – Стало быть, Милена, вы никак на Игоря воздействовать не можете?

– Никак.

– А что вы можете сказать о его попытке самоубийства? Тогда рядом с ним, с Игорем, было обнаружено еще одно тело – мертвое, копирующее Игоря Маслова на генетическом уровне.

– Это артефакт, – сказала Мила. – Скорее всего, остаточные явления искажения реальности, наведенные Селешуком. Других предположений у меня нет.

– Что ж, это вполне совпадает с нашими предположениями, – констатировал Павел Сергеевич. – Милена, вы все еще хотите знать, что там было в записях Селешука?

– Да, конечно, – уныло сказала Мила.

На самом деле ей уже не хотелось знать ничего. Разворошил прошлое ушлый фээс-бэшник. Голова снова начинала болеть – все сильнее и сильнее. А уж душа как разболелась – словами не описать. Скорей бы он ушел.

– Много там чего было, в записях Селешука, – сказал Шабалин. – Он держал все свои записи только в виде бумажных копий – компьютеру не доверял, все стирал из памяти. Понимал, что никакие программы не могут гарантировать защиту от сетевого взлома. Вот эти-то его бумаги мы и нашли. Десять толстых папок. Обширные исследования воздействия визуальных сигналов на психику и поведение человека – пожалуй, не на одну докторскую диссертацию потянет. И все – сплошная теория и статистика, никакой, можно так выразиться, прикладухи. Проще говоря, не было там ни слова о конкретном сочетании сигналов, инициирующих у человека способности креатора.

– Ну так это же хорошо, – сказала Мила. – Может быть, он все эти цифры просто помнил? И вместе с ним вся эта дрянь погибла. Ни к чему людям эта дрянь.

– А как же теперешние, новые креаторы? Они откуда взялись?

– Это Ашшур их наплодил. Он сказал, что обрабатывал своими вспышками всех пользователей клоузнетов. Вот и запецило кого-то.

– Не совсем так, – угрюмо произнес Шабалин. – Точнее, совсем не так. У Селешука был не только коттедж за городом, но еще и квартира в Нижнем. Мы выяснили, что значительную часть своей документации он хранил именно там. Мы провели обыск в этой квартире.

– Ну и вы что там нашли? – встрепенулась Мила.

– Полный разгром. Ничего удивительного, конечно, в самом факте ограбления не было – сами помните, что в это время в городе творилось. Только вот похоже, что квартирку эту почистили не дикари-варвары, а какие-то совсем другие люди. Побрякушки-безделушки не тронуты. А вот компьютерная техника и бумаги изъяты полностью.

– Вы думаете, что это нынешние креаторы постарались?

– Вполне возможно... – Шабалин сосредоточенно почесал в затылке. – Вот их бы самих и спросить...

– Только для этого их поймать нужно.

– Вот именно, – кивнул головой Шабалин.

Глава 6

Весь следующий день Мила провела дома. Звонил Стив, ругался, требовал, чтобы она пришла на работу. Мила с трудом отбрыкалась, упростила дать ей еще сутки на сценарий. И вот уже третий час подряд бродила по квартире и пыталась заставить себя нацарапать на бумаге хоть слово.

Пожалуй, если бы не вчерашний визит фээсбэшника, она писала бы без особых затруднений. Он выбил ее из колеи. Чем, интересно? Даже расписки о неразглашении с нее не взял. Ничего нового она от него не узнала – только то, что ФСБ, оказывается, пасло все это дело с самого начала. Мила и так об этом догадывалась – как могло быть иначе? И Мила тоже не сказала ему ничего нового – молодец, сумела-таки не проболтаться.

Чего она мается? Ее длинный разговор с Шабалиным – это неожиданный подарок, отличная подсказка! Нужно писать сценарий именно в таком духе – мол, пришли, увидели, вырубили электричество, победили. Подробнее рассказать о зловещей роли клоузнетов и не заикаться о том, что Игорь был креатором. Ни к чему это, слишком много в этой истории сюрреалистических подробностей, которые могут превратить фильм в неправдоподобную сказку. Опирайтесь только на факты – благо, их более чем достаточно.

Все ясно. Вперед, за работу. Достать чернил и плакать...

Черт, за весь день ни строчки. Ну почему у нее не клеится?! Что не так?

Страх. Она боится. Вчера, только-только очутившись от нападения, она боялась еще не так сильно, не дошло еще до нее, в какую гадость она снова вляпалась. Но Шабалин внес ясность, обозначив ее словами: "На вас уже начали охоту эти самые преступники-креаторы. И пока вас не убили только по счастливой случайности".

На нее уже когда-то охотились – не так давно, чуть больше года назад. Но тогда охота была не явной – всемогущий Ашшур не воспринимал их всерьез, играл с ними как сытый кот с мышами. Давал им свободу действий – экспериментировал, изучал, как будут они себя вести в экстремальной ситуации. И тогда Милка была не одна. У нее был Игорь. Он не создавал впечатления уверенного человека. Какое там – он жил в раздерганном состоянии, легко переходил от депрессии к эйфорической самоуверенности, едва держался на тонкой грани, отделяющей нормальное существование от психоза. И все же он был – ее любимый Игорь. Порой Миле казалось, что это она управляет ситуацией, берет на свои хрупкие плечи командование и тащит за собой Игоря. В действительности же всегда командовал он – всегда, даже когда был едва живым, затравленным доходягой. Отсутствующую информацию он с успехом заменял интуицией. И в конце концов он выиграл в сражении, в котором шансы его были настолько малы, что их нельзя было рассмотреть и в микроскоп.

Он выиграл. И сразу же после этого убил сам себя. Почему?

Он боялся самого себя. Он не хотел, чтобы креаторы существовали в этом мире. Он надеялся, что с его смертью все это кончится.

Бедный Игорь... Как бы он был разочарован, узнав, что его жертва была напрасна. Больше того – он оставил людей беззащитными. Мила вовсе не была уверена, что ФСБ, и ГУВД, и всем, кто сейчас пытался разобраться с вновь появившимися креаторами, удастся с ними справиться. Они плохо представляли, с чем имели дело. Паранормальные способности... Это, извините, такие способности, по сравнению с которыми обычная экстрасенсорика – детский лепет на лужайке.

Мила бродила по квартире и пыталась справиться со страхом. Что там за шорохи на лестничной клетке? Осторожный взгляд в дверной глазок – ерунда, сосед напротив вышел покурить. Странное бормотание в туалете... Пустяки – унитаз проснулся и забулькал, прочищая горло. Давно пора вызвать сантехника. Подозрительное колыхание занавески, быстрая

тень, метнувшаяся из-под стола к дивану... Игра раздерганных нервов. Успокойся, милая. Ты не в дешевом фильме ужасов. Никто не придет резать тебя как курицу, торжественно неся перед собой кривой окровавленный нож. Никто. Кому ты вообще нужна?

Она одинока – вот в чем ее проблема. Сама обрекла себя на это, превратила свою квартиру в камеру-одиночку. С бывшими друзьями не общается, Хадди выгнала вон, со Стивом держит себя высокомерно, с душкой-Иваном и то, кажется, поссорилась. Остервенела характером и находит в этом болезненное удовольствие. Решила, что никто ей не нужен. Никто, кроме Игоря. Вот и результат...

Позвонить прямо сейчас Иштархаддону? У нее записан номер его мобильного. Он пригласит сюда сразу – она в этом уверена. Он должен все еще любить ее. Должен...

Нет. Только не Хадди. Он так похож на Игоря... Именно поэтому она не может его видеть. Хадди – это фальшивый, ненастоящий Игорь. Разговаривающая мумия. Оживленный юнит.

– Гоша, – прошептала Мила, – ну почему ты ушел? Как ты мог так со мной поступить?

Она села на диван, закрыла лицо руками и заплакала.

* * *

Она сорвалась на работу вечером, после девяти, когда обезумела от тупого и бесплодного хождения по комнате. Она поняла, чего ей не хватает – людей. Общения – любого, хотя бы примитивного, хотя бы бессловесного. Ей мучительно хотелось, чтобы хоть кто-нибудь взял ее за руку, провел пальцами по ее щеке. Молча поцеловал ее... Ну это уже слишком. Не надо ее целовать, да и некому это делать. Стив уже ушел с работы – Мила пыталась договориться с ним по мобильному видео, согласиться-таки на ужин в ресторане (вот наглость!), но он отключил связь и скрылся в неизвестном направлении. Ну и не надо. Она пойдет на работу, найдет там кого-нибудь, все равно кого, лишь бы лицо его показалось добрым, и наговорится с ним всласть, держа его или ее за руку. Поплачется ему в жилетку. Народу в телецентре еще полно – служба новостей работает круглые сутки. А потом... Потом она затащит этого хорошего человека куда-нибудь в пустую комнату, прижмет его к стене и начнет раздевать...

Ты дура, ругнула себя Милена, накладывая макияж в ванной перед зеркалом, дура и нимфоманка. С ума сходишь от воздержания. Чушь всякая в голову лезет. Если не хочешь с мужиками спать, купи себе вибратор.

...А потом она зайдет в полупустую монтажную, включит настольную лампу и начнет писать сценарий. Он станет ее исповедью, ее болезнью и исцелением от ее болезни. Пусть потом Волски и Федоров делают с этим сценарием что хотят, пусть он будет чересчур откровенным, даже непристойным, но она сделает это. Сделает именно так, как хочет сделать. Когда Саша Федоров, который, конечно, окажется симпатичным и добрым парнем, прочитает это, он будет потрясен. Он ласково обнимет ее, растреплет рукой ее волосы, скажет: "Мила, я всегда хотел тебе сказать, что ты – потрясающая"...

– Потрясающая идиотка! – Мила прервала фантазии громким воплем. – Ты соберешься когда-нибудь или нет?

Прогуляться. Прогуляться как следует. Это всегда приводит ее в порядок.

* * *

Апрельский вечер – мягкий, теплый, спокойный. Мила не спеша шла по проспекту. Круглые фонари ярко освещали тротуар, вывески переливались всеми цветами неоновой радуги над дверями баров – соблазняли, упрашивали открыть дверь, спуститься по ступе-

ням, сесть за столик и забыть обо всем. Мила посмотрела на часы. Полдесятого. Пожалуй, пятнадцать минут можно себе позволить. Даже двадцать. Выпить немного хорошего вина. Совсем немного. Ей это действительно нужно.

Бар "Синий туман". Название откровенно пошлое – не подойдет. Кафе "Лучшая венгерская пицца". Нет уж, сами жуйте свою лучшую пиццу, тем более венгерскую. Надо же, сколько заведений здесь открылось, а ведь еще год назад были сплошные груды битого кирпича и завалы обгорелых бревен. Вот они – плоды международного экономического сотрудничества. Тема для передачи – "Часто ли коренные нижегородцы посещают вечерние бары"? Элитный клуб "Любовь интернейшнл". Гм... забавно. Наверное, что-нибудь свингерское или даже педерастическое. Идем дальше. Ага – это уже что-то вполне симпатичное. "Кенгуру". И силуэт зеленого континента на вывеске. Что, австралийцы даже досюда добрались? Чем они там кормят, интересно? Шницелями из коалы и отбивными из диких собак динго? Пожалуй, стоит посетить – из простого любопытства.

Какой-то парень переминался рядом с ноги на ногу, молчаливо пыхтел Милене в ухо – похоже, Мила перекрывала ему вход в бар. Мила дернула за ручку, открыла дверь и осторожно пошла вниз по мраморным ступеням, кажущимся слишком скользкими. Музыка внизу рывкала довольно громко – попсовый рок, что-то вроде древнеископаемых "Инэксес", ну да ладно, все лучше чем "хаус", да и поздно уже отступать. Есть свободный столик? Да, конечно! Пожалуйста, проходите, позвольте взять вашу курточку, мы повесим ее в гардероб. Ого, да здесь почти пусто! Пять человек на весь бар, включая Милу и того парня, что спустился за ней следом. Ну и слава Богу! Что будете заказывать? У вас есть хорошие вина? У нас очень хорошие вина (произнесено с гордостью). Исключительно австралийские, самого высшего класса. Экспортируются в семьсот пятнадцать стран мира (интересно, а в мире есть такое количество стран?) Вот карта вин, пожалуйста. Что будете кушать? Ничего, только вино. Слегка удивленный взгляд официанта: что это за алкашка такая приплелась – пить дорожущее вино и ничем его не закусывать. Хорошо, мне, пожалуйста, сыра и нарезки из красной рыбы. Какое вино вы мне порекомендуете? Что-нибудь специфическое австралийское, такое, какого больше нигде нет. Тогда вот это – «Белая акула». Белое вино, из винограда сортов Хенин Бланк и Мускат, слегка ароматизированное, вам непременно понравится. Замечательно, пусть оно и будет. Подождите, пожалуйста, пять минут. Сейчас я все принесу.

Мила огляделась. Вот они, признаки австрализма, если можно так выразиться. Движущееся стереопанно на стене – стая кенгуру скачет по зеленой долине. Скачет, скачет, скачет... Скрывается с глаз долой и снова появляется с противоположного конца экрана. И опять скачет, черт подери! Петля, замкнутый видеоролик. Идиоты те, кто придумал такие панно – посмотреть минут десять и свихнуться можно. Взять винтовку и перестрелять всех кенгуру. Повернуться к панно спиной. Так, что у нас тут? Чучело какого-то несчастного животного – бурого тупоногого хомяка размером с поросенка. Бедный зверюга – небось, сумчатый, наверняка в Красную Книгу занесен. Теперь вот стоит на полочке, блестит умными стеклянными глазками и улаживает взгляды посетителей. Надо выяснить, как он называется. Впрочем, можно и не выяснять. Все равно уже ничего не изменишь – зверь уже давно убит, таксидермирован, экспортирован в Россию и поставлен в бар, и будет стоять здесь до тех пор, пока не побьет его моль. Пусть стоит.

М-м-м... А вино и в самом деле замечательное. И заведение в целом вполне приятное. Значит, так – вспомнить всех старых друзей, восстановить их список по записной книжке и пригласить сюда. Арендовать бар на весь вечер, устроить безбашенную вечеринку с воплями, плясками, с признаниями в несостоявшейся любви. Еще один бокал, пожалуйста. Очень хорошее у вас вино, нет, правда... Вино выпьем, хомяка съедим. Или он несъедобный? Без разницы – съедим что-нибудь другое. И, конечно, завести новых друзей. Друзей должно быть много... Повторите заказ, пожалуйста! Да, рыбы еще, сыра не надо. Хадди,

глупый Хадди, ты такой умница... Как твой бизнес? Ты молодец. Тут тобой госбезопасность интересовалась. Да так, ничего интересного, пошли они все... Между прочим, ты знаешь, что ты не гипнабельный?..

– Я вот, так сказать, как бы хотел извиниться, – сказал парень.

Мила оторвала глаза от бокала с вином. Тот самый парнишка, что недавно спускался вслед за ней по ступеням и пыхтел ей в спину. Теперь он стоял рядом и смотрел на нее чистыми серыми глазами. Мила сделала еще глоток и уставилась на него немигающим взглядом. Такую вечеринку испортил...

– Вот, как бы это сказать... – парень продолжил свои словесные упражнения, – ну, предположим, если человек, ну, скажем так, только это не в порядке обиды, ну, хочет, к примеру познакомиться с кем-нибудь? Ну, к примеру, со скажем так, другим человеком? Я вот конкретно, я не имею к примеру конкретно себя, и допустим, вас. Но, допустим, какой-то человек хочет познакомиться с какой-то, скажем так, очень красивой девушкой. Я не в порядке вранья, я вам совершенно честно говорю. И, допустим, ему очень сложно, этому человеку, просто вот так вот... То есть, он не просто какой-нибудь там из неизвестно откуда, он нормально все понимает, и у него обычно проблем нет. Но вот он просто хочет угостить эту девушку, скажем, хорошим вином, но он понимает, что просто так вот не подойдешь, потому что это не просто...

Вроде не пьяный. Более того – совершенно не пьяный. Это она, Мила, немножко пьяна, и потому так миролюбива, поэтому терпеливо выслушивает это издевательство над русским языком и без тошноты смотрит на эти жесты широко расставленными руками, широко расставленными пальцами. Нечто среднее между жестикуляцией негритянских рэпперов и распальцовкой российских уголовников – неперенный набор магических движений, помогающий шевелиться дубовому языку.

– То есть, короче, вы типа как хотите угостить кого-то вином? – спросила она.

– Ну да! – парень компенсировал короткость фразы несколькими энергичными взмахами рук.

– Не получится, – сказала Мила. – Потому что этот человек, то есть эта девушка, проще говоря, я, сейчас занята. Мне нужно идти, я и так слишком много выпила, а мне сейчас еще работать.

– То есть, вы как бы сейчас будете работать? – парень озадаченно уставился на Милу.

– Как бы да, – подтвердила Мила.

– А кем?

Шлюхой, чуть было не лягнула Мила. Кем еще можно работать по ночам, предварительно ткнув стакан винца? Она уже привыкла к тому, что все люди, встречающиеся ей в этом городе, сразу узнают ее, популярную телеведущую, в лицо. Этот парень не узнал. Ну да, естественно, если такие и смотрят телевизор, то вовсе не передачу "Кремль № 2". Ну и хорошо – проще будет отвязаться.

– Уборщица я, – сказала она. – В телецентре по ночам полы мою.

– А, значит, вот как... – парень озадачился еще больше – взгляд его забегал по дорогой одежде Милены, по ее рукам с длинными ухоженными ногтями, никак не соответствующим профессии уборщицы. – У вас там, наверно, все типа как сплошные автоматы – всякие там пылесосы и машины, чтоб пол мыть. А вы всем этим управляете, да?

– Не-а. Тряпку беру, юбку подтыкаю, и вперед. – Мила допила вино, подняла руку, подзывая официанта. – Дайте счет, пожалуйста.

– Давайте я заплачу, – парень засуетился, полез во внутренний карман за бумажником. – Вы это, как бы не подумайте неправильно, просто я честно вам говорю – это для меня вообще не деньги, это просто не проблема...

Вот этому как раз можно было поверить – бумажник парня был набит деньгами чудовищно, под завязку. Он что, свою годовую зарплату туда запихнул? Купюры не умещались в разбухшем чреве портмоне, высовывались оттуда разноцветными языками и норовили вывалиться.

Официант уже стоял рядом, почтительно наклонив голову, смотрел на обожравшийся кошелек парня ласково и нежно. Милене стало противно. Она протянула руку, взяла счет, прочла его, отсчитала из своего (разумеется своего!) бумажника положенную сумму, добавила на чаевые и положила на блюдечко. Парень попытался впихнуть туда же полсотни долларов, но Мила выловила его деньгу и вернула ее хозяину, брезгливо держа двумя пальцами.

– Все, спасибо. – сказала она официанту голосом, не оставляющим сомнения в том, что спектакль закончен. – Все было замечательно.

– Заходите еще, – промямлил официант. И удалился.

– Нет, ну чего вы так? – заныл парень. – Я же честно, от чистого сердца. А вы ему не дали. Мне же не жалко вообще! Я бы и за вас мог, вы же уборщица, платят вам мало...

– Сам ты уборщица, – отрезала Милена. – Как тебя хоть зовут-то?

– Вадим...

Милена оглядела парня с головы до ног. Лицо простое, симпатичное. Короткая светлая челка. Широкая улыбка, демонстрирующая ровные от природы зубы. Пиджак, рубашка, галстук – одежда неброская, но подобранная со вкусом, и, безусловно, очень дорогая. Еще бы, при таких-то деньгах... Мальчишка красивый, но глуповатый. Впрочем, почему же так пренебрежительно – "мальчишка"? Ее, Милены, ровесник, может быть, даже постарше. Просто она как-то забыла, что ей всего лишь двадцать четыре. Вбила себе в голову, что она – тетенька, все повидавшая в жизни и по этой причине преждевременно состарившаяся.

– Понимаешь, Вадим, – Милена тщательно подбирала слова, – может быть, ты делаешь это по доброте душевной – заработал много, угостить кого-то хочешь. Но я не люблю, чтобы за меня платили. Не хочу быть никому обязана.

– А... Понятно. Нет, вы подождите, не уходите, – Вадим заволновался, снова замахал руками. – Можно, я это... Ну вот, предположим, один человек хотел бы подвезти другого на машине, без всяких там, честно...

– Тут недалеко, – сказала Мила. – Пешком дойду.

– Тогда я вас провожу.

– Пойдем, – сдалась Милена. – Иначе весь вечер тут проторчим.

* * *

Милена сидела в операторской и улыбалась. Никак она не могла приступить к работе – вспоминала свою недолгую прогулку с Вадиком и едва сдерживалась от смеха. Это ж надо – приятная внешность, и такое косноязычие впридачу. Впрочем, похоже, что Вадим считал свои многословные предложения образцом убедительной речи, демонстрирующей интеллект и профессиональную продвинутость. Милена уже сталкивалась с таким – знала, что в той сфере, в которой работал Вадим (как выяснилось – рекламно-агентской), длинные и бессвязные наборы слов играли роль колдовских заклинаний, отвлекающих внимание жертвы и заставляющих его сделать поступок, который никогда не пришел бы в голову человеку в здравом рассудке. Например, купить совершенно ненужный предмет за полуторную цену.

В случае с Миленой этот прием не сработал – Вадим так и не смог объяснить, что ему нужно, запутался в своих многочисленных "мне очень сложно, но я честно" и "скажем так, к примеру, один человек хотел бы сказать другому человеку". Впрочем, чего тут понимать? Ясно, чего может хотеть от девушки один молодой человек – приятного знакомства, переходящего в знакомство близкое, перерастающего, в свою очередь, в интимные отношения.

Мила поймала себя на том, что мысль об интимных отношениях с этим парнем ей совершенно не противна. Странно... А почему странно? Потому что весь этот проклятый год она не думала ни о ком, кроме Игоря? Пыталась заставить себя думать о ком-то другом, вылезти за пределы неестественной, ею самой выстроенной ограды, и все равно не могла. Может быть, этот парень чем-то напомнил ей самого Игоря: длинный, худой, с физиономией вроде бы спокойной, но прячущей, как под маской, кучу комплексов...

Нет. Игорь был совсем другим – не сравнить с этим Вадиком. И комплексы у него были совсем другие. Гораздо лучше.

Я могла бы переспать с этим Вадиком, совершенно неожиданно призналась себе Милена. Больше того, сейчас, когда его нет рядом, я думаю о нем... Точнее, о его лице, его теле, его запахе. Интересно, какой одеколон он употребляет? Можно предположить, что не дешевый. Плевать на одеколон... Самое главное то, что физиологически это мой мужчина. Мой. Я чувствую это, это даже не нужно объяснять. А во всех остальных отношениях он не мой. Он чужой, и это совершенно очевидно.

Вот, значит, как. Милена захотела вдруг интимных отношений, и ничего необычного, противоестественного в этом не было. Проблема, пожалуй, существовала только одна – она хотела отношений именно интимных, и вовсе не желала близкого знакомства, со всеми его сложными взаимообязывающими атрибутами. Хотя... Какая проблема – достаточно только намекнуть...

Поздно. Поезд ушел. Она холодно попрощалась с Вадимом, не оставив ему своих координат. Случайная встреча. Да и как с таким можно лечь в постель? Что он будет говорить? «Если честно, один человек хотел бы, чтобы другой человек лег на спину и раздвинул ножки?»

Мила хмыкнула в последний раз и принялась-таки за сценарий.

* * *

Милена проснулась, резко вывалилась из сна. Дверной звонок он вопил непрерывно и донельзя раздраженно. Милена с трудом разлепила глаза, скосила взгляд на будильник. Одиннадцать утра. Господи, всего-то четыре часа поспать дали. Ни ночью покоя, ни днем... Мила встала, накинула халат, поплелась к двери. Она проработала над сценарием до шести утра, хотела было прикорнуть прямо в студии, но потом передумала, вызвала такси и поехала спать домой. И, наверное, проспала бы до вечера, если бы не это дикое верещание, штопором вонзающееся в уши.

– Кто там? – спросила хриплым спросонок голосом.

– Это я, Стив. Стив!

Ого, утро начинается с сюрпризов.

Мила щелкнула замком и открыла дверь. Действительно Стив. Физиономия пятнистая – стало быть, снова случилось что-то из ряда вон выходящее. Что это может быть? Волски и Федоров приехали? Или сам Кирби пожаловал? Ставки растут?

– Можно мне зайти в квартиру? – спросил Стив, почему-то нервно оглядываясь.

– Да, конечно, – Мила сделала приглашающий жест рукой. – Заходи, Стивчик. Тебе чего – чаю, кофе? Или валерьяночки?

– Ты куда пропала?! – заорал Стив, едва закрыв за собой дверь. – Тебя все утро ищут!

– Никуда. Здесь я – ты же сам видишь.

– А почему на телефон не отвечаешь?

– Телефон я отключила, – призналась Мила. – Я, между прочим, всю ночь пахала в студии – сценарий писала. Теперь имею право поспать. Чего ты кричишь? Что случилось-то?

– Я чего кричу? – прокричал Стив. – Я не кричу! Ты думаешь, я не имею своих дел, чтобы ездить за тобой домой?! Давай, быстро одевай твою одежду и едем на студию! Там у тебя есть проблемы!

Стив, прекрасно говорящий по-русски, начал сбиваться и выдавать корявые фразы. Это говорило о его взбешенном, на грани срыва, состоянии.

Мила открыла рот, чтобы ответить не менее громкой, чем у Стива, тирадой, и неожиданно для себя промолчала. Пошла в ванную, умылась, почистила зубы, набила на лицо необходимый минимум косметики. Вместо кофе выпила на бегу чашку холодной пузырящейся пепси-колы – это всегда быстро приводило ее в чувство. Впрочем говорить о сонливости уже не приходилось – адреналин, выплеснувшийся в кровь, растворил остатки сна напрочь. Что там стряслось? Что там вообще могло случиться? Судя по поведению Стива, что-то действительно неприятное.

В машине, по пути в телецентр, Милена пыталась задавать вопросы, но Стив угрюмо молчал, только кашлял в платок – видно, сорвал глотку столь непривычным для него ором. В телецентре Стив, минуя студию, сразу потащил Милу в кабинет Джона Кури – директора нижегородского филиала Си-эм-эн, и это уже было само по себе признаком больших неприятностей. Если с большим боссом из Москвы, самим Гленом Кирби, у Милены сложились дружественные отношения, то господина Кури она боялась до дрожи в коленях, старалась попадаться ему на глаза как можно реже. Он был не из тех, кто мог попросить называть себя просто Джоном. Да и не был он на самом деле никаким Джоном. Был он самым натуральным Иваном Трофимовичем Курицыным, бывшим диссидентом-правозащитником, бывшим советским гражданином, эмигрировавшим в США из СССР аж в 1975 году. Много лет он работал в различных телевизионных компаниях Америки и снискал себе славу известного журналиста-международника, а также непримиримого, бескомпромиссного борца с коммунизмом. Пожилой, тощий и угрюмый Кури сильно хромал на правую ногу и употреблял крепкие дешевые сигареты без фильтра, одну за другой, прикуривая их друг от друга (за что заработал кличку «Курильская сопка»). В обращении с подчиненными он отличался исключительной холодностью, порой выглядящей как откровенная неприязнь.

– Добрый день, господа, – Кури сухо кивнул Милене и Стиву. – Присаживайтесь, – он показал рукой на стулья вдоль стены.

Мила опустилась на жесткое сиденье стула и положила руки на колени. Она еще не знала, в чем ее вина, но уже чувствовала себя как гимназистка, приговоренная к сечению прутьями за неподобающее приличной девице поведение.

– Госпожа Серебрякова, – Кури повернул к Миле морщинистое лицо, уставился на нее выцветшими глазками сквозь толстые линзы очков, – как мне стало известно, вы назначены руководителем проекта по съемке телевизионного фильма о Нижнем Новгороде. Это так?

– Да, – Мила кивнула.

Ах кощей чертов, вот ты к чему прицепился. Стало ему известно... Да в этой студии в носу нельзя поковырять без ведома господина Кури!

– Позвольте спросить вас, уважаемая госпожа Серебрякова, почему за три дня, прошедшие с тех пор, как вы получили это назначение, вы не соизволили зайти в сей скромный кабинет и поставить меня в известность? Ах да, я понимаю – вы теперь знаменитость, в некотором роде восходящая звезда телешоу... Вероятно, вы считаете, что теперь я сам должен бегать за вами и узнавать, что это такое вам предложили из Москвы.

Ну да, конечно – явное нарушение столь чтимой г-ном Кури субординации. Плюс к тому вечная ревность Курицына к Глену Кирби, "молодому выскочке" из Нью-Йорка, и соответственно, к его нижегородской протее Милене Серебряковой, позволяющей себе всякие возмутительные вольности. Ладно... Похоже, ничего страшного. Ну, не сходила она к Кури, понадеялась, что как-нибудь обойдется. Ну, получит сейчас двухчасовую порцию нуд-

ных нравоучений и рассказов о выдающихся заслугах Ивана Трофимовича в борьбе с мировыми гидрами коммунизма и тоталитаризма... Все равно Курицын против своего московского босса не поперет. Проглотит всё как миленький.

– Извините, господин Кури, – Мила опустила голову и часто заморгала глазами, изображая раскаяние. – Я, конечно, виновата, что так получилось. Просто я думала, что все уже согласовано. Я была очень занята – ездила в банк, потом писала сценарий фильма. Я хотела сразу вам все показать, как только будет готово, попросить ваших советов...

– Бог с ним, со сценарием, – сказал Кури и полез в серебряный портсигар за сигаретой. – Я закурю, вы не против, господа? Скажите-ка лучше, госпожа Серебрякова, что там у вас с деньгами?

– Какими деньгами? – растерялась Мила.

– Это вы должны объяснить мне, какие деньги! – Кури встал и раздраженно выпустил в сторону кондиционера струю сизого дыма. – Честно говоря, мне непонятно, почему такую огромную сумму доверили вам, человеку, извините, некомпетентному, в обход нашего финансового отдела. Ну Бог с ними, с Москвой, им там виднее... Вы вот лучше объясните, почему мне, старому заслуженному человеку, с утра звонят из банка, и требуют немедленно, вы слышите, немедленно разобраться со счетом вашего проекта, с которого исчезли все деньги.

– Как исчезли?! – волна ледяного ужаса обдала Милу с головы до ног.

– Господин Маккристоферсон, вы лучше разбираетесь в современной банковской системе. Будьте любезны объяснить госпоже Серебряковой, что она сделала.

– Милена, вчера в восемь вечера ты сняла со счета проекта все деньги и перевела их на другой счет, в другой банк, под названием "Кипр Экологик" – глухо сказал Стив. – Сегодня люди, обслуживающие наш счет, обнаружили это, и решили проверить, все ли здесь правильно. Выяснилось, что банк под названием "Кипр Экологик" действительно существовал в кипрской оффшорной зоне. Но он уже полгода как прекратил свое существование.

– Как же тогда туда удалось перевести деньги? – обалдело спросила Милена. – И если деньги были переведены вчера, почему это проверили только сегодня? Что там за халтурщики работают, в этом нашем банке?

– Не халтурщики, – сказал Стив. – Я, конечно, не специалист, но кое-что в этом понимаю. И похоже, что ты, Милена, разбираешься в этом гораздо лучше меня.

– Ничего я там не понимаю!

– Как же тогда ты сумела снять деньги таким образом – без личного посещения, при помощи только лишь электронной подписи, и перевести их в несуществующий банк? Для этого нужны навыки хорошего хакера. Очень хорошего, я бы сказал, экстра-класса...

– Да ничего я не снимала! – заявила Милена, с трудом удерживаясь от крика. – Я в первый раз об этом сейчас слышу!

– Хакеры – это, насколько я понимаю, электронные преступники? – уточнил Курицын. – И еще я помню, госпожа Серебрякова, что вы по образованию – компьютерный программист. Так ведь?

– Вчера в восемь вечера я была дома, – сказала Милена. – Мой компьютер в это время не был подключен к сети. Это можно доказать, если обратиться к сетевому администратору...

– Милена, только что из банка пришли новые данные, – сипло произнес Стив. – Вход в банковскую систему был осуществлен именно с твоего компьютера. Были введены все необходимые коды доступа, которые, кроме двух служащих банка, знаешь только ты. Потом системой была автоматически запрошена твоя подпись. Для того, чтобы воспроизвести подпись и передать ее в банк, нужно специальное устройство...

– Но у меня нет такого устройства! Тем более дома!

– Подожди, послушай. Подпись была воспроизведена и передана. Уточняю – именно твоя подпись, потому что она сразу же прошла компьютерную идентификацию.

– И что, этого достаточно, чтобы снять со счета деньги? Не могу поверить! А вдруг кто-то узнает коды и научится за меня подписываться?

– Совершенно верно, – Стив кивнул головой. – Если речь идет о такой большой сумме, как та, что лежала на счету, автоматический перевод не будет осуществлен в любом случае. К процедуре будет подключен живой человек, возможно, даже несколько людей. И от тебя попросят непосредственного участия. Тем более, что ты – человек для банка новый, не заслуживший еще твердой финансовой репутации.

– Почему же они не попросили?! – в голосе Милены зазвучали истерические нотки.

– Потому что с твоего компьютера была запущена маскирующая программа. Она встроилась в систему и создала видимость, что сумма перевода небольшая – скажем так, долларов сто-двести. И как только компьютер активировал начало перевода, эта же программа быстро перекачала всю сумму со счета в этот самый несуществующий "Кипр Экологик". Это стопроцентно хакерские методы работы, Милена.

– Так что, в солидном банке нет программ защиты от хакеров?

– Они говорят, что это была абсолютно новая программа взлома, с которой до сих пор не приходилось сталкиваться.

– Откуда ты столько всего знаешь, Стив?

– Я уже провел в банке сегодня два часа – по твоей милости. Мне все рассказали подробно.

– О, господи... – Милена схватилась руками за голову. – Ну хоть ты то, Стив, не думаешь, что все это я сделала?

– Совершенно не важно, что на этот счет думает господин Маккристоферсон, – вмешался в разговор Курицын. – Идет ли речь о вашем непосредственном преступлении, либо о преступной халатности, опять же с вашей стороны, госпожа Серебрякова, этим делом должны заниматься органы внутренних дел. Я хочу вас проинформировать, что сейчас я обращаюсь в милицию и приглашу сюда работника из отдела по борьбе с экономическими преступлениями. Вас же я прошу не покидать этот кабинет до его прибытия. Если вы попытаетесь уйти, вас задержит наша служба охраны – она уже предупреждена.

– Никуда я не уйду, господин Кури, – Милена неожиданно успокоилась. – Потому что я не виновата ни в чем, и в моих интересах, чтобы все было тщательно расследовано. И еще – простите меня, глупую, может быть я чего-то не понимаю, но почему вы звоните в милицию только сейчас? Дело-то серьезное! И почему за мной приехал Стив, а не оперативные работники? А вдруг бы я расстреляла его из пистолета и сбежала?

– Господин Маккристоферсон считал, что это какое-то недоразумение, – сказал Курицын. – Он убеждал меня, что вы появитесь и сразу же разъясните ситуацию – куда вы дели деньги. Честно говоря, я сразу был уверен, что вы будете отпираться и заявлять, что абсолютно ничего не знаете. Так оно сейчас и выходит. Вы хоть понимаете, госпожа Серебрякова, что вас могут арестовать?

– Понимаю.

– Мне кажется, что есть в вас какая-то детскость, инфантилизм. Как у ребенка, который украл банку с вареньем и упорно это отрицает. Может быть лучше сразу признаться, госпожа Серебрякова? Я давно хотел сказать господину Кирби, что он ошибается, проявляя к вам такое доверие. Эта ваша экстремальная выходка, когда вы сорвали прямой эфир... Вам все сходило с рук.

– Признаваться мне не в чем, – произнесла Милена. – А вот рассказать есть о чем. В нашем городе начинает твориться черт знает что, и все это связано с электронными преступлениями.

– Ну-ну, рассказывайте, – Курицын с интересом уставился на Милену. – Мы слушаем вас внимательно!

– Я буду разговаривать только со следователем, – отрезала Милена.

Глава 7

Разговаривать пришлось в Областном управлении внутренних дел, куда Милена пришла как ни странно, сама. На служебной машине, но без всякого конвойного сопровождения. К большому разочарованию господина Джона Курицына, никто и не думал ее арестовывать. Дежурный следователь Мышов, прибывший в телецентр, разобрался с делом за полчаса, определил, что оно относится к группе дел по электронным преступлениям, созвонился со старшим следователем ГУВД Толоконцевым, возглавляющим эту группу дел, и договорился, что Милена приедет и даст показания.

Милена сразу припомнила эту фамилию – Толоконцев. Тот самый майор, который вел дело о нападении на Сережу Изотова. О Толоконцеве Миле рассказывала Елена Валерьяновна. Отзывалась она о нем неплохо, только вот к Милене у Толоконцева могли оказаться свои, личные счеты. Не так давно она вытащила на свет божий то, что ГУВД пыталось скрыть, и именно Толоконцеву пришлось оправдываться перед репортерами. Теперь он мог отыграться на Милене всласть – было бы желание.

Перед тем, как ехать к следователю, она успела связаться с Бейлисом по видеофону. Вкратце изложила ему ситуацию.

– Это они, новые креаторы, – мрачно подвел итог Иван. – Их работа. Больше никому. Ох, дадут они скоро всем жару.

– Слушай, меня тут к следователю Толоконцеву вызывают, – сказала Милена. – Как ты думаешь, меня могут упрятать за решетку? Наверное, мне срочно нужно подстраховаться, найти адвоката.

– Толоконцев? – Бейлис оживился. – Отличный мужик! Один из самых лучших из всех наших ментов.

– Ты что, его лично знаешь?

– Знаю, – заверил Бейлис. – Как раз его знаю. Иди к нему, и рассказывай все по порядку. Только не ври, потом запутаешься.

– Не о чем мне врать, – заявила Мила.

Хотела она еще спросить у Ивана также о личности фээсбэшника Шабалина, но осеклась, поняла вдруг, что это выведет Бейлиса из себя и снова заставит угрюмо замолчать.

В отличие от сублильного и неприметного на вид Шабалина Толоконцев был мужичиной хоть куда. Гвардейского роста, широкий в плечах. Открытое волевое лицо, высокий лоб, приятная ямочка на подбородке. Вот только глаза у него были красные, воспаленные, слезились и часто моргали. Чувствовалось, что майор здорово не выспался. Также было вполне вероятно, что бессонную ночь он провел за экраном компьютера. Везло Милене на невыспавшихся представителей силовых структур.

– Здравствуйте, господин майор, – сказала Мила. – Или, может быть, лучше звать вас *товарищ* майор? Вы как предпочитаете?

– Все равно, – Толоконцев устало махнул рукой. – Зовут меня Виктор Алексеевич – можете звать меня так. Мне так привычнее.

– Значит, вы возглавляете группу дел по электронным преступлениям? А какие там еще дела? Новых нападений на подростков не было?

– Милена, кажется, вы что-то перепутали, – Толоконцев усмехнулся. – Вы сюда не интервью брать приехали. Вопросы буду задавать я, а вы на них будете отвечать. Если хотите, конечно. Но я думаю, что в ваших интересах все-таки отвечать. Вы попали в довольно тяжелую ситуацию, и чем больше информации вы нам дадите, тем больше вероятности, что мы это дело распутаем.

– Хорошо, – кивнула головой Мила. – Задавайте вопросы.

* * *

Беседа заняла около часа – за это время майор умудрился задать огромное количество вопросов и записать ответы на бумагу, несмотря на то, что разговор попутно записывался на диктофон.

– Ну что ж, пока достаточно, – наконец сказал он. – Вот, пожалуйста, почитайте, со всем ли вы согласны, что я тут написал. И подпишите, что согласны.

Милена пробежалась глазами по листам. "Я, Серебрякова Людмила Евгеньевна, такого-то года рождения... Назначена руководителем телевизионного проекта... Деньги были сняты со счета неизвестным лицом и я утверждаю, что это лицо – не я... 26 мая 2006 года на меня было совершено нападение через посредство домашнего компьютера... Я считаю, что нападение на меня и снятие денег со счета произведены одними и теми же людьми"... Коряво написано, конечно, но все правильно.

– Нападение на вас мы в отдельное дело выделять пока не будем, – сказал Толоконцев. – Но все расследуем тщательно, само собой. Вам бы я пока посоветовал вообще не включать компьютер.

– А я его и не включаю, что я, дура, что ли? Только это без толку. Похоже, что креаторам вообще не нужно, чтобы я его включала. Они и так делают с моим компом что хотят.

– Креаторам? – Толоконцев удивленно уставился на Милу. – Это что еще за слово такое?

– Не можете вы этого не знать, – заявила Мила. – Креаторы – те самые электронные преступники, которых вы разыскиваете. Люди, которые могут управлять компьютерами силой мысли.

– Какой еще силой мысли? – майор удивился еще больше. – Вы, Милена, какую-то фантастику мне рассказываете. Силой мысли, скажете тоже... Просто аппаратура у них хорошая.

– Вы что, вправду ничего не знаете? – настал черед изумляться Миле. – Вы – специальная группа по расследованию, и вам не предоставили информацию?! Или вы меня обманываете, либо эти фээсбэшники в конец обнаглели!

– Какие фээсбэшники?

– Павел Сергеевич Шабалин. Вы знаете такого человека?

– Нет, не знаю.

– Он домой ко мне приходил. Представился сотрудником ФСБ, документы показал. Может быть, он жулик какой-нибудь, обманывал меня?

– Ничего у вас в доме не пропало после этого? – с профессиональной подозрительностью спросил Толоконцев.

– Нет, он был настоящий фээсбэшник, – сказала Мила. – Зря я это, про жулика. Я вот что вам скажу, Виктор Алексеевич. Все теперешние события напрямую связаны с тем, что происходило в Нижнем год назад. Речь идет о людях, способных исказить реальность с помощью сетевых технологий. Они чувствуют себя в электронных сетях как рыба в воде, они называют себя креаторами. Обо всем, что связано с креаторами, знаю не только я – вся информация по этому поводу собирается ФСБ. Наверное, у них там тоже особая группа для этого создана. И то, что они действуют сами по себе и не дают вам никакой информации, это, простите, свинство с их стороны! Вы можете как-то связаться с ФСБ? Или они имеют право полностью вас игнорировать?

– Свяжемся, конечно. Игнорировать... Я им поигнорирую! – зло сказал Толоконцев. – Похоже, опять старая история – мы тут землю носом роем, а эти хитрозадые с Малой Покровки снимают пенки и играют в борьбу с международными шпионами. Ладно, Милена, спасибо за информацию. Дальше разберусь сам.

– Я могу идти?

– Да. Будьте осторожны. Если что-то подозрительное случится, немедленно звоните. Можете лично мне звонить. Вот номер моего мобильного.

– Так вы что, даже подписки о невыезде с меня не возьмете? Я же тоже, вроде бы, на подозрении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.